

МИХАСЬ
ЛЫНЬКОВ

ПРО СМЕЛОГО ВОЯКУ МИШКУ
И ЕГО СЛАВНЫХ ТОВАРИЩЕЙ

МИХАСЬ
ДЫНЬКОВ

ПРО СМЕЛОГО ВОЯКУ
МИШКУ И ЕГО
СЛАВНЫХ ТОВАРИЩЕЙ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
Б. БУРЬЯНА
ХУДОЖНИК В. ПОЩАСТЬЕВ

МИНСК «МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА» 1975

О Мишкином детстве и о том, как он малину любил

Если бы кто-нибудь спросил Мишку:

— Что ты любишь больше всего на свете?

Мишка, умея он говорить, тотчас бы ответил:

— Что люблю? Малину люблю... Мед люблю... Тетеревиные яйца люблю...

— А еще что?

— И еще малину...

Больно уж любил Мишка малину, и случались с ним из-за этой самой ягоды-малины разные неприятности, немало всяких несчастий и мук перетерпел он из-за нее. Но — крепился, обиды сносил и унижения.

Сегодня, как назло, мать даже внимания не обращала на малиновые кусты, обсыпанные спелыми, красными ягодами. Были и другие причины для дурного настроения. Мишка угрюмо плелся следом за матерью, брел вперевалку, низко опустив голову, ворчал время от времени потихоньку себе под нос. Тогда старая медведица останавливалась на минутку и угрожающе косилась на него, скаля зубы. Мишка тоже останавливался, переставал ворчать и, склонив голову совсем низко, исподтишка следил за матерью: она, чего доброго, и подзатыльника может дать. Следил и был готов в любую минуту броситься наутек, подальше от такого угощения. Как же не быть тут скучным?

А началось все с самого утра. Еще не поднялось солнце, еще клубился над полянами сизый туман, как Мишкина мать заворочалась, зевнув, приподнялась на передние лапы, потом — на все четыре, шумно отряхнула с себя мох и сухие листья и полезла наверх из темной берлоги. Потом остановилась, и Мишка видел, как стояла она и, вытянув морду, вдыхала трепетными и теплыми черными ноздрями свежий воздух раннего утра. После она повела мордой вок-

руг и на какое-то мгновение замерла — прислушалась. Издалека откуда-то долетели глухие звуки колокольцев, — наверно, возле болота паслись лошади. Тихо пронеслись над поляной дикие утки, за высоким кустарником прохлопал крыльями тетерев — Мишкина мать даже облизнулась и вздохнула.

Тогда Мишке стало скучно. Может быть, от того, что в берлоге, устроенной под большим еловым выворотнем, было сумрачно, может быть, от того, что без матери становилось холодно и неуютно. И Мишка заскулил тихонько. Мать вернулась, взяла Мишку зубами за шиворот и поставила на ноги. Мишка хорошо знал, что это означало. «Поднимайся, лодырь, лежебока, пора идти завтрак искать!» Он попробовал в шутку упрямиться, повертел головой, полез было по корням под самый свод берлоги. Но, получив несколько легких толчков под бок, вылез наверх вслед за матерью.

Тут было холодновато. На траве поблескивала роса, и Мишка осторожно переступал с ноги на ногу, зябко стряхивая с лап студеные капли воды, старался попадать в следы матери, чтобы не слишком промокнуть. Однако это ему наконец наскучило, и он пустился со всех четырех, обогнал мать и резво затрусил по кустам, по олешнику, напугав нескольких пичуг, вылетевших из густой травы прямо у него из-под лап. Ему хотелось разогреться, пошалить. А что мать? Да вот она уже нагоняет Мишку, злая, встревоженная, и со всего маху дает подзатыльника. Да такого, что у Мишки вдруг все позеленело в глазах и он ткнулся носом в мокрую и холодную землю. До того обозлился — себя не помнит. Изловчился и как хватит зубами мамашу за ногу. Взревела медведица.

А Мишка — бежать. Бежал и задыхался, тяжело сопел. Разве от нее убежишь, от матери? Слышит Мишка, земля вздрагивает следом — догоняет медведица. Мишку пот холодный прошиб. И вот нагнала. И такую трепку Мишке задала, что не сразу очухаешься. А напоследок еще ту-

маком наградила. И покатился Мишка с пригорка, не устоял на ногах, уцепиться за что-нибудь не успел... Летел, кувыркаясь, летел, да как шлепнется в какую-то канаву. Сидит в грязи по самые уши, ни повернуться, ни выбраться из канавы этой не может. Торчит мордочка, блестят испуганные глазенки, да стонет Мишка жалобно: больно и страшно ему.

Подошла старая медведица. Остановилась. Наклонила голову, лизнула его шершавым языком в холодный нос — Мишка тут и глаза закрыл с перепугу: а что, если добавит мать за то, что зубы в ход пускает.

Но медведица осторожно взяла его за шиворот и вытащила из канавы. Обхватила передними лапами, подняла, встряхнула — так и полетела с Мишки липкая грязь. Потом поставила на ноги и легонько подтолкнула — иди, мол, неслух, да не озоруй больше!

И пошел Мишка мокрый, грязный. Плелся следом за матерью, не отставая ни на шаг, присмирив. Вот почему и скучен был наш Мишка и время от времени бурчал, огрызаясь.

Шли они долго. Миновали поляну, на которой были сложены толстые бревна и дрова. Мать перевернула несколько колод, нашла под ними много всяких червячков и, позабыв Мишкины проказы, угощала его. В одной поленнице дров она отыскала небольшое гнездышко. В гнездышке — с полдесятка маленьких голубоватых яичек. Яички были необычайно вкусные, и Мишка задира от удовольствия морду, свернув язык трубочкой, высасывал их и, увлекшись, глотал даже скорлупки.

Полакомившись, побрели через болото. Осторожно обошли место, где утром было слышно позванивание колокольцев. Мишкина мать догадывалась, что возле лошадей должны быть и люди. Сам Мишка еще ни разу не видал человека, но по тому, как избегала мать встреч с человеком, угадывал, что это не иначе, как самый хитрый враг, воз-

можно, куда хитрее жабы, или шмеля, или там, скажем, ежа. С этими Мишка уже успел познакомиться, и знакомство с жабой, шмелем и ежиком не принесло ему особой радости. Попробовал он как-то раз жабу лизнуть языком — плевался потом сколько! Да три дня после язык пекло. Шмель встретился, красивый такой, веселый, золотистый. Сам маленький, а голос подает — ку-у-уда-а там, гудит, трава даже колыхнется. Гонялся Мишка за шмелем и увидел, как тот спрятался в синий колокольчик. Ткнулся Мишка к цветку, да вдруг как заревет. Перепугалась мать, выскочила из берлоги. Дня два у Мишки нос разносило, огнем жгло. Он уж и в воде его полоскал, и о бок матери тер, и к сырой земле прикладывал. Кое-как удалось ему спасти нос, вылечить. И теперь, едва заметит шмеля, так боком-боком и за кусты, подальше от этой чертовой мухи. Вот вам и шмель!

О еже и говорить не приходится. Это уж такой зверь, что страшнее, видно, вообще нет на белом свете. Донимали Мишку и пчелы. Ходил он однажды с матерью в глухой бор. Забралась мать на такую высоченную сосну, что с земли едва разглядишь ее из-за папоротников, в которые завалился Мишка.

Слышит Мишка — взревела мать на сосне. Трещит что-то там, наверху, сухие сучья летят, падают поломанные. И гудит, гудит что-то на всю поляну. Не слезла, а спрыгнула Мишкина мать на землю. Спрыгнула — и бежать прочь. Мишка за нею. Бежит, а пчелы не отстают. Вцепились в голову, в нос, в хвост, в пузо. В глаза лезут, как ни верти мордой. Чего только не делал Мишка — и о кусты терся, и по траве катался — все напрасно. Покамest за матерью по пятам в речку не кувыркнулся, не отставали пчелы. И опять дня три ходил Мишка сам не свой. Прихворнул даже немножечко, в берлоге пришлось отлеживаться. Глаза до того позапухали, что ничего и не видел. Губы тоже опухли и нос. Ни к чему не прикоснись — болит.

Зато каким медом после угощала мать Мишку — ел бы и ел, кажется, целыми днями да облизывался!

Вот они какие те пчелы были!

И хотя боялся Мишка и жабы, и шмеля, и ежа колючего, но примечал, что мать на них и глазом не ведет, вовсе не боится. А человеческий голос слышит — перепугается. Видно, человек куда страшнее шмеля и жабы.

Вот и сейчас Мишкина мать осторожно нюхает воздух, сворачивает в сторону и трусит по глухим болотным тропкам. «Наверно, в овес», — думает Мишка.

И точно, вскоре вышли они на большую поляну, поросшую усатым овсом. Овес еще не поспел, был зеленоватый, лишь кое-где попадались пожелтелые, золотистые островки. От легкого ветерка пробегали по овсу дрожащие волны, и слышен был тихий, задумчивый шорох. Вроде колоски перешептывались: шу-у, ш-шу... шу-у, ш-шу... Нравился Мишке этот шорох, эти едва слышные, тихие голоса овсяных колосьев. Ляжет в борозду и прислушивается. Над ним — высокое синее небо, плывут где-то там белые-белые облачка, под ними парит коршун, еще пониже проносятся пугливые утки. У этих крылья — свистульки, только и слышишь: фью, фью... фью, фью... А овес шумит свое: шу-у, шу-у... ш-шу, ш-шу...

Слушает Мишка и дремлет. Зима ему вспоминается, когда шумели над головой голые деревья. Посильнее шум был, грозный такой, хотя и прислушивался к нему Мишка сквозь крепкий зимний сон. Не шумело, а гудело в вершинах, с присвистом завывало в заснеженных еловых лапах: угу-ю-у-у... у-ю-у-угу... у-у-у... И бывало тогда холодно. Помнится Мишке, как поднимался пар над берлогой и от этого пара свисали с корней прозрачные сосульки. О них Мишка еще нос уколол, когда перед самой весной попробовал выползти из берлоги.

Любит Мишка слушать овсяные шорохи. А еще больше нравятся ему овсяные колоски. Сладкие они, пахучие. Вро-

де материнского молока. И ощипывает Мишка овес, полными горстями запихивает в пасть, а когда устанет ходить на задних лапах, когда наестся вдоволь, тогда развалится и, примяв лапой несколько стеблей, лениво перебирает их губами, смакует каждый колос.

На поляне они с матерью оказались не одни. Пришел старый медведь. Был он очень уж мрачный, сердитый. Без всякого повода набросился вдруг на Мишку и так хватил его зубами, что тот чуть не задохнулся от рева. Тогда пришла на помощь Мишкина мать: она так грозно двинулась на медведя, так сильно, со всего маху, ударила его лапой по морде, что старый медведь опрометью бросился бежать — только затрещал под ним валежник да кусты орешника. По рыжей подпалине на боку медведя Мишка узнал в нем своего отца. Удивился: ничего себе папаша! Разве ж воспитывают так, скаля на сыновей злые клыки.

Возвращались они без особых приключений. Медведица шла рядом с Мишкой, старательно зализывала ему шею, на которой остались следы папашиных зубов, и потихоньку ворчала себе под нос что-то свое, медвежье.

Когда переходили ручей, медведица взяла Мишку передними лапами и принялась купать. Не очень-то любил Мишка эту процедуру и обычно старался увернуться, сбежать, а порою даже, огрызаясь, пробовал кусаться. Но теперь, вспоминая, как смело встала мать на его защиту, послушно плескался в воде, отфыркивался и выполнял все ее распоряжения: поворачивался, наклонял голову, подставлял матери то один, то другой бок. Покупался и давай носиться по кустам, гоняться за белыми мотыльками, кататься по траве, чтобы поскорее обсохнуть.

Вернулись в берлогу, и мать сразу же завалилась спать. Берлога выглядела просторной и уютной. В достатке было припасено и теплого мха и сухой листвы. Вверху переплетенные корни поваленного дерева создавали надежную

крышу: даже в дождь здесь было всегда сухо. Неподалеку проходила лесная дорога, но никто по ней не ездил, никто не нарушал привычного покоя. К тому же берлога пряталась в густых зарослях. Никогда не встречался в этих местах человек.

Медведица отдыхала, а Мишке спать не хотелось. Он в который раз обследовал берлогу: обнюхал каждый камушек, каждый свисающий корень. Интересного в этом, конечно, ничего не было. Мишка заскучал.

Глянув на похрапывающую мать, Мишка выбрался из берлоги. Тут совсем иное дело. Можно в охоту покувыркаться в щекотливом вереске, проложить в папоротнике широкий след. А муравейник! Запустишь в него лапу, разворошишь, скорехонько отпрыгнешь в сторону — и то-то смех глядеть, как замечутся встревоженные муравьи, примутся таскать стебельки, переносить белые яички.

А сколько разных интересных звуков в лесу! Вон там пестрый дятел выстукивает что-то на коре старой ольхи. Взгромоздился на высокий сук, уцепился когтями и — тук-тук да тук-тук... Попробовал и Мишка. Ударил носом по

сосне. Никакого «тук-тука» не получилось. Только неприятность: оцарапал нос — больше ничего... Сердито посмотрел Мишка на дятла, занятого своим делом.

Тут увидел он белку. Прыгает с ветки на ветку. Забралась повыше и прихорашивается. Мишку не замечает. Тот и так и сяк старается — зубами щелкает, лапой землю роет, голос пытается подать, а белка — хоть бы хны. Ну посмотрела бы разок на него, что ли! Поводит рыжим хвостом, словно метелочкой, усиками шевелит.

Разозлился Мишка. Подкрался к сосне и — раз! — лапой по стволу. Белка — прыг! — и на другую, потом на третью. Мишка за нею. Задрал морду, из виду белки не выпускает. Потом на сосну взобрался, вот-вот поймает, да разве за белкой угонишься: скачет, как блоха.

Один раз Мишка и сам попробовал прыгнуть: оттолкнулся от ствола, растопырил лапы. Думал, полетит, будто мотылек, по воздуху. И вот сейчас, кажется, зубами за хвост ее, рыжую, схватит. Да где там! Один миг — и рот у Мишки полон земли, нога болит. Тяжело приземлился. Хорошо хоть, что дерево было низкое, мог бы этот полет кончиться еще хуже. Ладно, пускай они, рыжие белки, летают, пускай и мотыльки летают, а ему, Мишке, достаточно того, что он по земле ходит и на деревья умеет лазить.

Бегал, бегал так вокруг берлоги Мишка и спохватился: ведь он сегодня малины-то еще не отведал. Вот чудеса какие! Жить в малиннике и малины вдоволь не наестся... Правда, мать строго-настрого наказывала никуда без нее не ходить.

«Так это же близехонько. Разве я заблужусь? Не-ет... Мать спит и ничего не заметит...» — подумал Мишка и, крадучись, подался в малинник. Он, конечно, и не подозревал, какие события случатся с ним в этот день.

Но расскажем об этих событиях дальше.

Про Веселую Бороду и про черного Жука

Пока Мишка будет лакомиться малиной, нам придется рассказать немного про Веселую Бороду, или иначе — Бородатого, и про черного Жука. Утверждать, будто жили они в большом согласии и дружбу водили крепкую, — будет неправда. Обычно Бородатый форсил перед Жуком. Солидно прохаживался, важно встряхивал бородой, а то, в доказательство своей особенной прыти и ловкости, набрасывался, грозя подцепить на рога. Жук скалил пасть, угрожающе ворчал и, если Бородатый не прекращал своих форсистых выходов, отворачивался и уходил подальше от назойливого хвастуна. Лежал в тени и издали следил прищуренными глазами за Бородатым. А уж чего только не выделял Бородатый! Вот он красиво взбегаёт на поваленное дерево, изгибает шею и прыгает со всех четырех копытцев — словно белка какая-нибудь. Увидит большой пенёк, подойдет, обнюхает, лизнет. Потом сделает несколько шагов назад, разбежится и — гоп — перепрыгнет пенёк, захрустит копытцами по земле, только пыль из-под них поднимется. Гляньте, дескать, каков я!

Но и это еще не все.

Вот идет красноармеец. Бородатый тут как тут. Рожки вперед, борода книзу — нет прохода. Ни за что не сойдет с дороги. Грозится: сейчас забодаю.

Что с ним поделаешь!

Красноармеец достает из кармана кисет с махоркой, высыпает на ладонь и подносит Бородатому.

— На! И отстань ты, ирод, некогда мне с тобой шутики шутить...

А тому только того и нужно. Слижет махорку, уложит языком за губой и жуёт да жмурится от удовольствия. Очень она по вкусу Бородатому, махорка. Стоит, не поше-

велится. Бородой только знай потряхивает. А потом раскроет пасть и на всю поляну:

— Бе-э-э! Бе-бе-э-э!..

Жук следит за всем этим и вздыхает. Не нравятся ему забавы Бородатого с махоркой: ну что за вкус в табаке! Дыма табачного Жук терпеть не мог и убегал от курильщиков подальше. А тут Бородатый еще и выхваляется перед ним. Глядит Жук, глядит, а потом тоже на всю поляну, на весь лес:

— Гау-гав! Гав-гав-гау-у! Гав!

Заливается лаем, хвостом по земле бьет — злится на Бородатого.

Сбегаются тогда веселые красноармейцы. Смех, шутки. Над Бородатым смеются, да и над Жуком тоже.

— Чего вы, черти, не поделили?

Можно подумать, будто Жук и Бородатый такие уж непримиримые враги и так презирают друг дружку, что дальше некуда. И это снова-таки неправда. Познакомившись с ними поближе, мы сами увидим, что они все-таки настоящие друзья. А если и форсит иногда Бородатый перед Жуком, так это больше для вида, для отвода глаз. Попробуйте-

ка обидеть кого-нибудь из них, ну хотя бы Бородатого. Ох, и задаст вам Жук трепку. Десятому закажете, как обижать Бородатого или Жука. Они оба рьяно защищают друг дружку.

Кто такие, однако, Жук да Веселая Борода? Откуда они взялись? Как очутились вместе? И при чем тут красноармейцы?

Жук был обыкновенной собакой обыкновенной породы.

Дворняжка. Ни какими-нибудь особыми способностями, ни талантом похвалиться он не мог. Собака — как и всякая собака. Только вот бок правый обожжен. Это уж от походной жизни: обжег возле костра, греясь в холодную осеннюю ночь. Не ахти какой красавец и Бородатый — серая взлохмаченная шерсть; вечно в репейнике и в соломе. Рог слева наполовину обломан — след какой-то молодецкой драки. Хвост — не хвост: одна видимость, завитушка. Но борода зато — подлинная краса и гордость Бородатого. И хоть пощипана она была малость, и неровно вытянулись волосы, и репей к ней все время цепляется, — все-таки это была борода, какой надлежит обладать всякому уважающему себя козлу. За эту-то бороду и прозвали козла Бородатым... Идет — бородой трясет. Бежит — борода дрожит. Есть принимается — борода мотается. Кра-а-а-сивая борода!

И Жук, и Бородатый были в некоторой степени военными личностями. Жук состоял в первом батальоне, Бородатый числился во втором. И ходили они вместе с полком в большие походы. Холод ли, снег ли, зной ли, дождь — идут боевые красноармейцы, маршируют батальоны. И хоть трудно бывает в походах — ноги ноют, плечи трет ремнем, — не унывают бойцы: песни распевают, шутки шутят, гармошке молчать не дают. А если и умолкнет, бывает, гармошка, выступают батальонные весельчаки — Жук с Бородатым. И чего только не вытворяют они!

Перепрыгивает через Жука Бородатый. Жук ловчится ухватить Бородатого за бороду. Но напорется на рог, ловко отпрянет и отступит в кусты, готовясь оттуда ринуть-

ся в новую атаку. Такой ералаш иногда устроят, такую возню затеют, что хоть ты их водой разливай. Спектакль — да и только!

А кончится спектакль, ходят друзья по шеренгам бойцов, в глаза красноармейцам заглядывают. Ну, это уж каждому ясно: надо корку хлеба дать, сахаром угостить. И давали, и угощали. Любили красноармейцы своих весельчаков и никуда из батальонов не отпускали. До того любили, что даже гордились ими и нос задирали перед третьим батальоном, — в третьем не было ни козла, ни Жука.

Когда же Бородатый по своей привычке не церемониться заходил перехватить чего-нибудь сладкого в третий батальон, его сразу находили и возвращали восвояси. Красноармейцы второго батальона боялись, как бы не присвоили их веселого Бородатого, их презабавного актера. Присвоить не присвоят, конечно, а подкупить могли — очень большим сластеной был Бородатый. Особенно сахар уважал. И махорку.

Жук, тот более сознательный. Он своему батальону не мог изменить — никакие подкупы не в силах были поколебать его верности. Даже огрызался, когда замечал, что угощают его бойцы из третьего с умыслом, с корыстью. Жука оставляли в покое.

Черный Жук был также храбрее и отважнее, чем его приятель. Он не боялся стрельбы. Вместе с бойцами бросался в атаку, нес вахту в дозорах, стоял на посту. Служака он был исправный: никакой враг не смог бы подкрасться незамеченным к нашим частям даже в самую глухую ночь и непогоду.

А вот с Бородатого при первых же выстрелах весь форс как ветром сдувало. Со всех копыт бросался он в обоз, в тыл, за что его стыдили и называли дезертиром перед всем батальоном. Но разве у Бородатого есть совесть? Станет, низко голову наклонит, глазом не моргнет, только затрясет бородой да заведет свою скрипучую песню:

— Бе-э! Бе-э-э...

Ну что с ним, с таким, поделаешь!

Вот какие были Жук и Веселая Борода. И не удивительно, что красноармейцы привязались к ним, подкармливали и баловали их, весельчаков, считая, что Жук и Бородатый делают первый и второй батальоны лучше третьего.

Но вскоре произошли события, о которых мы обещали рассказать в предыдущей части. Эти события затмили славу Жука и Веселой Бороды, а третий батальон начал задирать нос перед первым и вторым батальонами. Об этом и расскажем дальше.

Как Мишка попал на военную службу

Было тихое летнее утро. Солнце еще не успело подняться в зенит и переливалось разноцветными огоньками в росистой мураве, на полянках, на влажных листьях берез, сыпалось золотистыми пятнышками в темноватой зелени еловых ветвей, в курчавых вершинах сосен. Когда же солнечный отсвет попадал на спелые ягоды малины, они вспыхивали, точно камни-самоцветы. И запах от них шел далеко-далеко, через лесную чащу и болотные заросли, прямо к просеке, по которой пролегла дорога. Ягоды пахли летом, солнцем, пряной муравой полян,— да чем только они не пахли! Знай одно: ешь, не ленись!

И Мишка старался. Ел, не ленился. Сперва обирал ягоды лапой, сопел, набивая рот малиной вместе с листвою, с маленькими букашками. И недоспелые ягоды попадались. А он ел и ел.

Когда подкрепился основательно, стал поразборчивее: стоит, носом поводит, выбирает ягоду покрупнее, да чтоб самой спелой была. Высмотрит в кустах такую, на которой солнце прямо переливается, нацелится, изловчась, языком

и аккуратненько слижет. Глаза у Мишки жмурятся от удовольствия.

Сладкоежкой был наш Мишка.

А по дороге между тем шел полк красноармейцев. Шли батальоны, один за другим. За батальонами двигался обоз. Поскрипывали колеса, постукивая по корням сосен и елей. Иногда раздавалось лошадиное ржание. Мерно позвякивали уздечки и ведра... Полк двигался вперед.

Слышал Мишка и это позвякивание, и это ржание. Но, увлеченный своим занятием, и не задумывался даже, что бы оно могло значить. Мало ли лошадей ржет по утрам на болотистом лугу, да еще и колокольцами позванивают. Подумаешь, велика забота, очень они нужны Мишке!

А полк тем временем расположился на привал. Красноармейцы поспешили в лес: кто по ягоды, кто по воду, кто за валежником для костра. Побрел в лес и Бородатый. И Жук, известно, туда же. Не столько привлекали их ягоды, как не могли они отстать от привычной компании. Привязались к бойцам за свою походную жизнь.

Мишка уже подумывал, не пора ли ему возвращаться назад, к родной берлоге, но побаивался матери: не иначе, выплет она ему за самовольную отлучку. Так чего торопиться?

Да и место уж больно красивое. Солнце пригревает. Пахнет малиной. Мягкая трава под ногами, теплая, ласковая. Зеленые листики брусники поблескивают. Набегаться можно вдоволь, накувыркаться, а то и лечь на спину, задрать кверху лапы и глядеть в глубокое синее небо, которое показалось Мишке теперь большим лесным озером. Странно только — солнце плавает в озере, слепящее, яркое. Щуриться приходится Мишке.

Хорошо все-таки жить на белом свете, когда есть у тебя мать, когда к твоим услугам вот такой малинник и птичьи малиновки распевают для тебя песенки, а крупные ягоды сами в рот просятся. Не жизнь Мишке — малина!

И едва успел он подняться на ноги и сухие хвоинки стряхнуть со спины, как, поглядев прямо перед собой, обомлел. Похолодело у него внутри, пятки зачесались. Из-за куста на Мишку уставился никогда прежде не виданный зверь. Весь белый, четыре ноги, как у всякого зверя, а сверх того еще и рога на лбу. И самое страшное — у зверя свисала почти до земли странная борода. Борода моталась из стороны в сторону, нагоняя еще больше страху на Мишку. Ни у отца своего, ни у белки, ни у дрозда, ни у волков, попадавшихся иной раз на лесных тропах, — ни у кого, даже у зайцев, не видел Мишка такой бороды. И у лисы, и у ежа, и у барсуков не было такой.

Мишка закрыл и снова открыл глаза: думал, мерещится ему. Нет, зверь все стоял перед ним, и моталась, развеваемая ветерком, борода.

«Видно, в этой бороде вся сила...» — тоскливо подумал Мишка, соображая, как бы ему половчее дать стрекача и спрятаться под надежную защиту матери.

А зверь все пялил и пялил на Мишку свои стеклянные глаза и переминался с ноги на ногу. Пошевелился Мишка, готовый повернуться и удариться в бегство. Глядит по сторонам и смекает, какой лучше путь избрать для отступления. И видит, к своему немалому удивлению: бородатый зверь вроде тоже отступить задумал — назад подался, в кусты. Мишка обрадовался, осмелел.

— Ну, значит, жив буду и малины еще наемся вволю...

И так ему жить захотелось, что почувствовал, вроде сил у него прибавилось и страх пропадает мало-помалу. Шагнул он к зверю бородатому, а сам думает: «Вот бы за бороду его сцапать! Сразу обезоружу... Не может быть, что бы борода эта оказалась сильнее меня...»

Припомнились Мишке наставления матери: нет в лесах зверя сильнее и храбрее, чем они — медведи. Призадумался на минутку.

«А что, если это — человек? А человек-то страшнее

всех. Он опаснее шмеля и ежа... Ха! — вспомнил Мишка и обрадовался. — Человек ведь ходит на двух ногах, мама это в точности знает. А две другие лапы у него так, для приличия.

Выходит, этот, бородатый, — не человек...»

И помаленьку, осторожно — на шаг вперед. Уж и примерился, как за бороду ухватиться будет ловчее.

Что тут произошло!

Не успел Мишка лапу поднять, как Бородатый молнией взметнулся кверху да как сиганет через куст. Ягоды даже посыпались, как брызги. Только треск пошел по всему малиннику да голос слышался — такой забавный, смешной:

— Бе-э-э-э...

Это Бородатый спасал свою шкуру. Мчался со всех ног, не на шутку напугав Мишку, который так и не мог сообразить, что же ему делать после этой встречи с незнакомым бородачом: то ли гнаться за ним, то ли самому пускаться наутек.

Так и не успел Мишка принять решения. Новая напасть объявилась. Была она куда страшнее, чем первая, и сыграла в Мишкиной судьбе куда более значительную роль.

Еще не умолк треск сучьев под копытами Бородатого, спасавшего свою бороду, как другой зверь напал на Мишку. Сцапал за ногу, не выпускает, ворчит. Походил он на большого волка, только мастью отличался — черный был, как жук.

А это и в самом деле был наш Жук, который примчался спасать Веселую Бороду.

Мишка извернулся, стараясь укусить Жука за хвост. Жук отпрыгнул, как ошпаренный, сделал круг и вдруг снова набросился на Мишку, злобно лая и скаля зубы. Они кусались, визжали, рычали — и вдвоем катались по земле, поднимая пыль и прелые прошлогодние листья.

Не обратить внимания на эту возню, конечно, было нель-

зя. С десяток красноармейцев окружили дерущихся, оттащили Мишку, отогнали Жука. Мишка сидел на задних лапах, жалобно скулил, а передними лапами все закрывал голову, словно защищаясь от врагов.

— Эх, не едать мне больше малины! — причитал Мишка.

Искоса он поглядывал из-под лапы на окруживших его людей. Готовился принять смерть. Но вышло иначе.

Красноармейцы надели ему ошейник и на привязи торжественно повели к дороге, туда, где расположился на привал полк. Красноармейцы все были из третьего батальона. То-то они радовались, что наконец и у них появилась забавная зверюшка! И не какой-нибудь там козел или дворняжка, а настоящий царь лесов, медведь. Правда, царь выглядел далеко не по-царски, был еще не очень велик и ростом, но все равно далеко до него Жуку и Веселой Бороде из первого и второго батальонов. И верно, весь полк заинтересовался Мишкой. Столько народу сбегалось поглядеть на эту находку, что Мишка только моргал глазами да думал про себя: «Ну и людей же! И у каждого, наверно, есть мать...»

Вспомнил Мишка свою мать, старую медведицу, и жалобно заскулил.

— А ты не плачь! — подбадряли его красноармейцы, поглаживая по теплой серой шерсти.

А у Мишки сердце замирало со страха, и вздрагивал он всем телом. Сперва хотел сделать суровый вид, ошетинился, оскалил пасть, но присмирел, увидев, что никто не собирается ударить его лапой или хватить зубами. Ласковее, с надеждой поглядывал на красноармейцев Мишка.

— Вот давно бы так, глупыш ты эдакий! — сказал улыбающийся молодой красноармеец. — Нечего, браток, тебе злиться... В третий батальон попал.

И вскоре сахара кусочек принес, положил перед Мишкой. Все вокруг столпились: любопытно посмотреть, что

будет делать Мишка с сахаром. Мишка покосился на сахар, тронул лапой — не кусается вроде, не жжет, не колется. Потянулся носом, понюхал — нет, ничем страшным не пахнет. Тогда и вовсе расхрабрился, взял да и лизнул языком. Понравилось. Подхватил он лапой сахар и на язык положил. Ого, до чего вкусно! Глаза сами прижмурились. Долго посасывал Мишка кусочек сахара, наслаждался. Посмотрел на веселых красноармейцев — не дадут ли еще. Дали. Мишка больше прежнего осмелел и даже руку одному красноармейцу лизнул — в знак большой своей медвежьей благодарности.

— Ну, теперь мы с тобой закадычные друзья! — шутили красноармейцы.

Они смело подходили к Мишке, гладили по спине, чесали за ухом, брали лапу и словно бы здоровались. Мишка не огрызался, не ворчал. Ему все это нравилось, и он сладко потягивался и жмурил глаза от удовольствия.

За хорошее поведение Мишке тут же дали хлеба, рыбных консервов. Каптер подоил корову в обозе, молока принес полный котелок. Наелся Мишка, напился, и так стало весело у него на душе, что принялся он кувыркатся на песке, на задних лапах ходить да всякие коленца выкидывать: кланялся, на передние лапы вставал, чуть в пляс не пустился.

— А ну, Мишка, давай еще разок!

— Ай да Топтыгин! Уморил...

Красноармейцы подзадоривали Мишку, а тот старался вовсю, видя, как беззаботно хохочут, за бока хватаются, шутками перебрасываются люди, которые угощали его сахаром. И все поздравляли третий батальон с удачей.

— Такого артиста себе отыскали! Уморил Мишка...

Одним словом, весь полк полюбил Мишку за веселый нрав, за ловкость и сообразительность в немудреных делах его медвежьих. Только Жук поглядывал на Мишку с подозрением, все время готов был вцепиться исподтишка в Миш-

кино ухо, злобно ворчал при его приближении. И красноармейцы старались их примирить как-нибудь, сделать друзьями. А Бородатый, тот вообще остерегался подходить к Мишке, издали смотрел да голосил таким жалобным голоском:

— Бе-э-э-э...

Видно, опасался за свою бороду, которую чтит выше всего на свете и которой гордился перед всеми. Ведь бороды-то не было ни у Жука, ни у Мишки.

— Чего, Бородатый, орешь? — посмеивались красноармейцы. — Рога у тебя есть, копытники есть, а боишься... Эх ты!.. Подходи ближе, не робей, вступай в компанию. Ну, иди, чудо-юдо, махорки дадим.

Но Бородатый все робел, даже великий соблазн получить добрую горсть махорки не мог взять верха над этой робостью. Что ни говори, а бороду надо беречь. Возьмет этот Мишка да и вырвет ее начисто — как же тогда жить Бородатому, лишенному своей красоты. Козел — да вдруг без бороды! Виданное ли дело?

Впрочем, может быть, голосил Бородатый и с досады. Надо же — стали на него куда меньше внимания обращать. Занялись этим поганцем.

И много прошло времени, пока примирили Жука и Бородатого с Мишкой, пока стали они приятелями и даже друзьями.

Так попал Мишка на военную службу.

Привал кончился, и двинулся полк дальше. Мишке сделали крепкий ошейник, привязали к телеге веревкой. Сперва Мишка противился такому насилию, упирался, не хотел идти за телегой. Его все же волоком волокло за нею. Пришлось встать на все четыре и топать вперевалку.

Ну, а кому охота на привязи тащиться?! Особенно если привык ходить, куда душа пожелает, куда только вздумается. Понурым стал Мишка, заскучал. Заметили это. Пересадили Мишку на телегу. Ну, это совсем иной разговор!

Никаких забот и трудов, сиди себе да вокруг поглядывай — на людей, на лошадей, на деревья, что высятся вдоль дороги. Разве мало вокруг любопытного! Встречаешь и такое, чего никогда не видывал, живя в глухой берлоге. Без всякой опаски можешь следить за Жуком и Бородатым, табачником этим трусливым: борода и та у него вся махоркой провоняла.

— Не жизнь, а малина! — хотелось сказать Мишке.

Освоился Мишка на телеге, насмотрелся вокруг, обнюхал мешки и узлы, что лежали рядом с ним. Потом облюбовал местечко поудобнее, подмял под себя побольше солом.

— Ну что ж: ехать так ехать!

Подумал так, да и задремал.

Так нежданно-негаданно выступил Мишка в поход. Ехал на телеге. Поскрипывали колеса. Отфыркивались лошади. Ехал день, ехал ночь. Спал, дремал. Видел сны свои лесные, медвежьи. И мерещилась ему небывалая ягода-малина, огромная-преогромная, едва обеими лапами обхватишь, в рот бы ее запихать и упиться малиновым соком... Только никак лапой не дотянешься, не достанешь. Так, кажется, и схватил бы, носом запах чуешь, по носу вот-вот ягодина стукнет — нет! Подпрыгивает ягода-малина кверху, в поднебесье, к серебряному месяцу, к ясным звездам. А Мишка — за нею, за малиной, за ягодой. Подпрыгнул и проснулся.

Была ночь. Громче скрипели колеса, телега, вздрагивая, мерно катилась по дороге все дальше и дальше. Дорога, будто в тумане, плыла в лунном свете. Тревожно всхрапывали лошади, стригли ушами, ночью особенно чувствуя присутствие Мишки.

Неподалеку от телеги трусил молчаливый Жук, за ним вышагивал Веселая Борода. А над дорогой, над притихшими людьми, над телегами обозными распростерлось глубокое темно-синее небо, это лесное озеро. По озеру плыл рога-

тый серебряный месяц, и переливались яркие и крупные звезды. Было прохладно.

Осмотрелся Мишка, вздохнул, нос в теплые лапы спрятал и опять задремал.

Странный больной, сахар и махорка Бородатого

День за днем — привык Мишка к своему военному положению. Правда, положение это не было слишком уж трудным, потому что приучали его постепенно, да и наука специальная для него не отличалась хитростью. Прежде всего нужно было дисциплинировать Мишку, к порядку приобщить, чтобы знал он свое место и немудреные обязанности полкового увеселителя. С обязанностями своими справлялся Мишка довольно прилежно и охотно. Потому и любили его в полку и уважали с каждым днем все больше.

Водились за Мишкой и кое-какие грешки — все из-за его медвежьей жадности до сладкого. Однажды ехал он на каптерской телеге, где обычно везли батальонную провизию. Мишка возьми да и пронюхай — мешок с сахаром тут. Украдкой, чтобы никто не заметил, разорвал Мишка мешок и принялся лакомиться. И днем и ночью сидит себе, сахар таскает из мешка, уплетает за обе щеки, похрустывает, облизывается. Искоса на Бородатого поглядывает. А тот не отстает от телеги, ведь и ему частенько перепадало кое-что: кусок хлеба, каши ложка или еще что-нибудь. Грызет Мишка сахар, посапывает и ни о какой другой еде не думает. Ничего другого в рот не берет. Молочком иной раз побалуется да водичкой жажду утолит.

Заволновались красноармейцы, приуныли, побежали за доктором-ветеринаром.

— Беда, товарищ доктор!

— Что случилось? Какая такая беда?

— Мишка заболел в третьем батальоне. В рот ничего не берет. Полнейшее отсутствие аппетита. Пище — ноль внимания...

— Хм... Что же это может быть?

Пошли в обоз, к телеге каптера из третьего батальона. Мишка важно развалился, спину греет на солнце, лениво моргает блаженными глазками, смотрит на суету.

«Фокусов, поди, захотели!»

Нехотя поднялся и перекувырнулся через голову, потом встал на передние лапы и задрал высоко кверху задние, ловко балансируя ими в воздухе. Глядите, мол, фокусы. Не жалко...

— Мишка, не надо!

— Еще хуже заболеешь...

— Ложись, Мишка, ты же ослаб... — наперебой принялись уговаривать артиста красноармейцы.

— Тебе отдыхать надобно, Миша. Вот и доктор к тебе пришел. Он у нас отличный доктор, вылечит...

Насилу Мишку уговорили прекратить фокусы.

— Странно, странно, — приговаривал доктор, осматривая больного. — Хм... Болеет, а эвон какие выкрутасы выделяет! Так есть отказывается, говорите?

— Ни в зуб... Кроме воды, ничего в рот не берет! Похудел, видите, отощал совсем...

— Хм... Похудел, говорите? Ничего себе похудел, если хребет так и лоснится на солнце, точно маслом его намазали. Хм! Ну, ладно, поглядим...

Нацепил доктор очки на нос, трубку достал.

— Прошу пациента повернуться вот так! — приветливо заговорил он с больным.

Стал прослушивать. Красноармейцы сгрудились, следят за доктором, ждут. А Мишка, пожалуйста — бок подставляет, спину, задирает лапы и все поцеловать норовит доктора за его заботу и внимание. Казалось Мишке, что с

ним забавляются, шутят, развлекают. Вот и выполнял послушно все распоряжения. Уж очень нравилось ему, когда у него за ухом чешут, а доктор, видимо, и хотел сейчас это сделать. Наконец Мишке удалось наловчиться и попасть языком в докторский нос. Поблагодарил, значит.

— Хм... Странно, странно,— приговаривал доктор, вытирая нос платочком.— Сердце нормальное. Работает, как мотор. Никаких шумов, перебоев... Так-таки не ест, говорите?

— Ни крошки... Третьи сутки подряд голодает.

— Хм... Редкий случай... Любопытный случай в моей практике... Опять-таки и температура у него нормальная... Вид бодрый... Беру на себя смелость утверждать, что больной в полной исправности.

— Не может быть, доктор!.. Как же так, в исправности?..

— Вы всегда говорите: хм, в исправности... Микстуры жалеете, что ли? — не на шутку заволновались красноармейцы, недовольные результатами медицинского осмотра.

— Что вы, что вы! Не в микстуре здесь дело...— принялся возражать доктор.— По всей вероятности, ваш больной страдает по каким-то особым причинам... Возможно,

сказывается перемена в образе жизни, перемена профессии, тяготы походного быта... Существуют самые различные причины заболеваний. Наука установила пока что далеко не все.

И доктор пустился в рассуждения, стал приводить такие загадочные случаи из медицинской практики, что лица у всех красноармейцев вытянулись, сделались грустными.

«Не иначе — капут Мишке, раз болезнь такая загадочная», — думали бойцы.

И все разом стали упрашивать доктора:

— Доктор, дорогой наш доктор, спасите Мишку! Как же мы будем жить без него?..

— Ну, что с вами поделаешь... — задумался доктор, припоминая, видимо, способы лечения, которые могли бы спасти Мишку от недуга. — Говорят, нет на свете болезни, которую бы нельзя было одолеть, против которой не нашлось бы противоядия. Во всяком случае, попробуем... Ну, сперва дайте ему касторки... Можно клизму поставить... Только не откладывайте: время усугубляет болезнь. А главное, больному нужен абсолютный покой. Аб-со-лют-ный!

И только услышал Мишка о покое, как напало на него разудалое настроение. Принялся он такие номера выкидывать, что с телеги пыль столбом поднялась, и Жук не выдержал, залился лаем. Доктор зажал уши, очки у него сползли на кончик носа.

А Мишка не унимался и вовсю старался, чтобы сделать фокус позамысловатей: на голову становился, в пляс на задних лапах пускался... Лошадей красноармейцы еле-еле удержали. Те напугались — грызли удила и рыли копытами землю.

— Хм... хм. Странно... Странно, — не переставал удивляться доктор. — Да, тишина и покой — вот что необходимо больному в первую очередь, — проговорил он, оглядываясь на лающего во всю глотку Жука.

Но Мишке, на его счастье или, может быть, на беду, не довелось познакомиться ни с касторкой, ни с клизмой. Только это собрался он прекратить свои пляски на телеге, как подошел каптер, отлучавшийся в наряд на целые сутки. Подошел и тут же, глянув разок на телегу, схватился за голову:

— Что наделал, что наделал этот лесной бродяга! Где же мне теперь взять, как раздобыть?.. Вон отсюда! Вон с телеги, симулянт, вон, бродяга!.. — причитал каптер.

— Тише, тише, каптер, больному покой нужен. Третий день голодает! Сам небось знаешь...

— Что-о? Больной! Го-ло-да-ет!.. Да он, посмотрите, полмешка сахара умолот... Шуточки! Мешок был полнехонький, а теперь — гляньте-ка, братцы! — на дне`осталось сколечко... Слазь, бандит, с телеги! Слазь, чтоб я тебя больше не видел!

А Мишка — хоть бы хны! Будто нарочно, взял еще кусок сахара, засунул себе за щеку и давай хрустеть да щелкать, словно орех грызет.

Какой тут смех да хохот поднялся! Сколько шуток посыпалось со всех сторон! Смеялись красноармейцы над болезнью Мишкиной, над голодовкой его. Каптеру сочувствовали, но назвали разиней. Неловко чувствовал себя и доктор-ветеринар. Постоял он, постоял, подумал да только и мог проговорить печальным голосом:

— Странно... хм... странно. Болезнь, оказывается, приобретает, если можно так выразиться, психологический характер... Си-му-ля-ция... А это уж, простите, не по моей части, поскольку среди моих обычных пациентов сей недуг не распространен... Да-с!

— А как все-таки с лечением? — спрашивали сквозь смех красноармейцы.

— Предписание отменяется!.. Дать животному полную свободу и, разумеется, не располагать вблизи от него мешков с сахаром...

Весь полк смеялся над Мишкиной «симуляцией», над каптером, над премудрой медицинской загадкой, которую не мог разгадать доктор-ветеринар. Даже черный Жук, видя всеобщее веселье, стал подражать Мишке — кувыркался и лаял. На передние лапы встать он не мог и возмещал этот пробел хождением на задних. И один только Бородатый по своей полной несознательности не понимал происходящего и, осторожно подходя к телеге, тянул все ту же унылую песню:

— Бе-э-э-э...

На Бородатого накидывался разгневанный каптер, замахиваясь пустым мешком:

— Вон, пугало бородатое, и ты еще лезешь!

Бойцы пытались урезонить каптера:

— За что на Бороду-то сердишься? Он тут при чем?

В тот день каптер порвал всякие дипломатические отношения с Мишкой, с Жуком и Бородатым, стал их убежден-

ным врагом. И хоть встречено это было веселым смехом красноармейцев, для Мишки такой оборот дела закончился довольно печально и большим конфузом.

Сколько ни упирался Мишка, пытаюсь сохранить за собой обжитое местечко, все-таки пришлось ему переселяться на новую квартиру, на другую телегу. Обозлили Мишку разные неприятности, связанные с переселением, и зубами пощелкал и поворчал он изрядно. Однако этим дело не кончилось: первые неприятности повлекли за собою другие и так далее.

Когда мало-помалу все утихомирилось, успокоилось, Мишка принялся внимательно осматривать новую квартиру. Обнюхал каждый мешок, прощупал каждый ящик. Ничего привлекательного так и не нашел. Велика ему польза, скажем, от пачек махорки, которые нащупал он в одном из ящиков! Одна горечь на языке — больше ничего.

Захотелось Мишке разогнать досаду, сорвать зло на чем-нибудь за все неудачи. Решил он разгрузить немножко телегу, чтобы самому поудобнее расположиться. Ночь надвигалась. Разгрузку наметил начать с махорки. Недолго думая, взял одну пачку и швырнул на землю.

Тут и произошел непредвиденный случай, который здорово укрепил дружеские отношения между нашими артистами — Мишкой, Жуком и Бородатым. Кинул это Мишка пачку на дорогу, а вдруг откуда ни возмись Бородатый является и — цап махорку. Бредет за телегой, пачку теребит, только борода седая трясется. И чем дольше смотрел на это Мишка, тем больше удивлялся — от пачки у Бородатого одна бумага осталась, да и ту облизал старательно лакомка. «Нашел, дурень, вкус!.. Сразу видно, по неосознанности...» — подумал Мишка про Бородатого.

А тот — и откуда у него храбрость взялась?! — подошел к самой телеге да прямо в морду Мишке свое:

— Бе-э-э...

«Вот чудак! Еще вообразит, будто я жалею этого доб-

ра», — подумал Мишка и новую пачку махорки — шлеп на землю... Под ноги Бородатому.

И так все бросал и бросал до тех пор, пока не заметил, что с козлом творится что-то неладное. Начал тот бородой дорогу мести да из стороны в сторону, словно пьяный, качаться. Вялый стал, вроде мухи осенней. И голос ослаб, дрожит, вот-вот захлебнется Бородатый своим: бе-э... бе-э... бе-э... бе... бе...

Вмешался в дело Жук. Завидел, что с товарищем неладное творится, подбежал к нему, нос понюхал, бороду лизнул. Лизнул, понюхал — и отскочил, как ошпаренный. Зачихал. До того борода эта махоркой воняла — ну точь-в-точь, как прокуренная трубка у полкового завхоза.

А Бородатый уж вовсе с ног валится, голоса лишился. Глаза на лоб лезут. Колени подгибаются.

Кинулся тут Жук на помощь: и так и сяк старается козла расшевелить, спину подставляет, чтобы оперся Бородатый, в рога вцепился опущенные, кверху потянул — ничего не помогает. Клонит Бородатого к земле — и все тут! Видит Жук: беда. Нет спасения. Давай караул кричать, тревогу бить. Такой лай поднял, что батальон чуть не весь сбежался. Знают красноармейцы: попусту Жук не лает.

А Мишка сидит себе на телеге, наблюдает за всем, что вокруг происходит, а на уме одно: не сулит эта кутерьма ничего хорошего. Когда сбежались бойцы, прекратил свои исследования мешков да ящиков, лег, притаился, чтобы не заметили, — взятки с него гладки.

Взялись сперва за Бородатого. Водой его окатили, молоком напоили. Кое-как очухался козел. К утру на ноги поднялся, хоть и глядел вокруг очумелыми глазами.

— Ничего себе шуточки, так махоркой обожраться... чуть не отравился совсем Бородатый...

Искали виновника, а Мишка поглядывает с телеги и в ус не дует. Однако то ли совесть в нем заговорила, то ли наскучило валяться среди мешков и ящиков, в которых и

кусочка сахара в помине не было, свесил он морду с телеги и давай следить за тем, как стелется позади след колесный.

Бородатый же, пренебрегая полученным уроком, испытывал к Мишке большое уважение и симпатию: никто и никогда еще не давал так много ему махорки. Веселее и добродушней покрикивал он возле телеги свое: бе-э-э-э...

Нехватку махорки, конечно, вскоре обнаружили. Но подозрения на Мишку не пали — зачем ему такая горечь?! А Бородатый, тот, разумеется, и не подумал выдавать секрет. Возможно, по неосознанности, а может быть, из чувства товарищества.

Происшествие с махоркой было позабыто, да и сам Мишка становился более дисциплинированным и аккуратным.

К тому же, чтоб не было у Мишки соблазна, перевели его на третью телегу. Телега эта принадлежала ружейно-пулеметной команде. При самом тщательном осмотре Мишка не заметил на телеге ничего, что могло бы сойти за лакомство. Попробовал на зуб патроны — никакого вкуса. Зубы только поломать можно, и пахнет противно. Сунул лапу в ружейное масло, лизнул — и долго потом чихал и морщился, старательно вытирая язык о мешки, о солому.

На том и закончилось обследование. Пришлось Мишке мириться с пайком, который ежедневно выдавался ему из полковых припасов.

Голодать Мишке не доводилось. Пайка хватало. Да и кроме пайка кое-что перепадало. Чем только не угощали Мишку: то хлебом, то кусочком сахара, то косточкой из супа, кружкой свежего молока. Все любили его в полку, все заботились о нем — и командиры и красноармейцы. Только каптер иногда бурчал что-то и косился. Но Мишка делал вид, будто не замечает каптера.

Нерешенным оставался лишь один вопрос — как быть с Мишкиным обмундированием? Но про это расскажем дальше.

История с генеральским мундиром

На одном из привалов, когда красноармейцы отдыхали и приводили в порядок оружие и обмундирование, Мишка занимался привычным делом — демонстрировал свои номера перед группой веселых бойцов. Искусство его с каждым днем становилось все более квалифицированным. Спектакли приобретали разнообразие и занимательность. От бессмысленных кувырканий и самодовольного хождения на задних лапах Мишка перешел к выполнению более сложных номеров. Он мог показать, как облизывается Антанта, взирая на советскую землю. Как паны угощают мужика плетью. Как фордыбачится польский генерал и точит зубы на Украину и Белоруссию, чтоб завоевать себе пространство «от моря до моря». Как рабочий голову свернул капиталисту. Многое научился теперь показывать Мишка. И смеху его номера вызывали куда больше прежнего.

Были у Мишки и хорошие помощники — Жук и Веселая Борода. Жук обычно подносил главному исполнителю всякие принадлежности — реквизит, как говорят артисты: палку, шляпу, барабан. Подносил, потом, почтительно вильнув хвостом, удалялся в сторону и скромно следил за ходом «представления». В нужную минуту он поднимал громкий и задорный или, наоборот, жалобный и тихий лай. Этим он выражал свое отношение к увиденному. А Бородатый, хотя и без особенной охоты, сам должен был участвовать в некоторых номерах, исполняемых Мишкой. Особенно раздражал его один номер — тот, в котором доставалось его бороде. Едва заслышав команду: «А ну, Мишка, потряси-ка мирового буржуя, гидру международную за бороду!» — он со всех ног бросался наутек. Но бежал Бородатый больше для близира. Знал, что его все равно поймают и силой подведут к Мишке. Дадут еще раз ту же команду, и Мишка со-

лидно возьметса за бороду и приметса довольно энергично тягать ее справа налево, дергать книзу, пригибая Бородатого к самой земле, заставляя его становиться на колени. «Международная гидра» терпела, терпела, но потом не выдерживала и начинала просить милости, не слишком благозвучно выводя на все лады свое неизменное:

— Бе-э-э-э...

— Осторожно, Мишка, осторожно! Тряси да не растрясывай, не входи в азарт! — предупреждали Мишку зрители, и он, хватив лапою по козлиному лбу, оставлял Бородатого, а сам этак важно кланялся публике.

Бородатый, отряхивая пыль, скрывался в толпе зрителей, чтобы раньше Мишки получить плату за представление, а заодно и награду за муки и унижения, которым подвергалась его борода ради общей потехи.

«Вот ведь жадина! Никогда не нажрется...» — думал Мишка про козла. Недолюбливал он Бородатого за это.

В заключительном номере обычно выступал Мишка один. Кто-нибудь из красноармейцев подавал команду:

— А ну, Миша, славный артист его величества народа третьего батальона и всего непобедимого стрелкового полка, покажи врагам на страх и нам на радость, как гибнет под красным штыком мировая гидра контрреволюции.

Мишка становился на задние лапы, хватался с ужасом за бока, валился на землю, переворачиваясь на спину, и дрыгал ногами в воздухе. И язык при этом высывал. Глаза у него того и гляди слезами зальются. И до того забавно и старательно выполнялся этот номер, что смехом оглашался весь лес. До чего, казалось бы, скромн был Жук — и тот поддавался общему настроению и принимался вилять хвостом и прыгать, дразня Бородатого, лая и пританцовывая. И даже несознательный Бородатый, потрянув бородой, выплевывал жвачку — вечно в зубах какая-нибудь соломина — и глядел на Мишку с одобрителным почтением, ласково цедя свое:

— Бе-э-э-э...

И вот, когда закончил Мишка очередное представление, выступил один из молодых командиров:

— Братцы, артиста мы все любим, но не заботимся о нем как следует. Ну, где это видано, чтобы такой замечательный артист босиком шлепал? Где это видано, чтобы артист, извините меня, без штанов гулял? Как-никак осень близится... Как-никак животное простудиться может...

— Амуницию Мишке! Штаны Мишке! — дружно закричали красноармейцы и без всякого голосования единогласно решили — обмундировать Мишку, придать ему боевой вид.

Мишка, конечно, ничего против не имел: ведь он плохо разби-

рался в том, что такое амуниция и, в частности, что такое штаны.

Долго думали, в какую же форму одеть артиста. В пехотную? В кавалерийскую? В летную? Нет, это не подойдет. Какой же из Мишки летчик?

Да и попробуй одень его в летную форму, он еще, поди, и самолет себе потребует, — откуда же взять лишний самолет на фронте? Кавалеристом — тогда коня ему подыскивай.

Остановились на пехотной форме, потому что мастак был Мишка по пехотной части. Пешком топал он всю свою молодость, пока не был зачислен на военную службу. В знак особых заслуг перед полком решено было выдать ему сапоги, саблю выдать, мундир уланский, а штаны с золотыми лампасами.

Как раз в полковых запасах завалился один такой мундирчик среди трофеев, взятых в бою с белополяками под Барановичами. И хотя мундир уланский был кавалерийской формы, но красноармейцы недолго спорили — форма вражеская, значит, можно в ней и пешком ходить Мишке.

Приступили к делу.

Но тут встретились кое-какие затруднения. Если Мишка довольно равнодушно встретил постановление обмундировать его, то, когда дошло до практического осуществления этой затеи, он встал на дыбы. И тут все увидели, что Мишка, так хорошо разбирающийся в лакомствах, ничего не смыслит в одежде.

Сперва все шло тихо и мирно. Мишка, правда, упирался, сопел, кряхтел, крутил мордой, даже пытался лечь на спину, когда красноармейцы хотели придать ему боевой вид, натянуть на Мишку мундир и штаны с лампасами. Кусаться даже пытался Мишка, едва начали напяливать ему на лапы сапоги, но получил по загривку и немного успокоился. Позволил надеть шапку и нацепить саблю.

Выглядел Мишка теперь важным воякой — мундир бле-

стел, блестели лампасы, и смотрел он вокруг грозно и сурово. Приняв всю эту процедуру за надругательство над своею особой, Мишка так разгневался, что Бородатый, встретившись с ним взглядом, сиганул в кусты, да и Жук тоже предпочел удалиться.

Началось тут представление, какого еще ни разу не видел полк. Мишка понюхал золотые лампасы, вцепился в них зубами и во мгновение ока содрал начисто, словно лыко с дерева. Зрители ахнули от неожиданности. Хохот пронесся, раздались крики:

— Так, Мишка, так! Рви панскую форму, чтоб ей пусто было...

Однако Мишка ничего и слышать не хотел. Не раздумывая долго, встал на голову и давай задними лапами дрыгать, пока не полетели сапоги один за другим со свистом в воздух — один зацепился за ветку ели, а второй в болото плюхнулся.

Дошла очередь и до штанов. Треснули штаны по швам, одна штанина направо полетела, другая — налево.

Рассердились некоторые из бойцов. Особенно каптер. Жалко было ему штанов, очень они ему нравились. Заголосил даже:

— Что ж ты делаешь, негодяй! Такую одежду испортил... Эх!

А Мишка встал на задние лапы, вздохнул облегченно и принялся за саблю. Рванул портупею, еще раз и еще — стукнулась сабля о сосну и воткнулась ножнами в гнилой пенек.

С обиженным выражением на морде побрел Мишка прочь в одном мундире. В мундире, без штанов. Почему-то против мундира Мишка не возражал. Наверно, мундир не мешал ему двигаться, поэтому.

Сколько ни пытались ребята из третьего батальона уладить дело со штанами, — ни в какую не соглашался Мишка снова их напяливать. Чего только не вытворял он с этой бедной одежкой. Топил в болоте, прятал под елку, рвал, все

равно штаны оказывались у бойцов, и вновь и вновь повторялась процедура с одеванием. В четвертый раз Мишка, наловчившись уже, опять надвое разорвал штаны и торжественно вылез из них. Но ни топить, ни прятать, ни рвать больше не стал. Серьезный и деловитый, полез он на самую высокую сосну, держа штаны в зубах, пристроился там на суку и расправился с ними окончательно и бесповоротно. Изодрал штаны в клочья и швырнул вниз. Слез и как ни в чем не бывало молча принялся увеселять публику своими забавными номерами.

— Хм... С характером медведь! — изрек доктор-ветеринар, и все бойцы с ним согласились.

Так и ходил Мишка — в мундире, без штанов, без сапог, без шапки. Правда, и от мундира вскоре осталась одна видимость. Изорвал его Мишка в клочья, лазая по деревьям. Но не придавал особого значения этому, ибо от природы был склонен к простоте и скромности.

Так и окончились попытки обмундировать Мишку. А что дальше было, расскажем теперь подробнее.

Необыкновенный пулеметчик

Полк двигался все дальше и дальше. В иные дни приходилось делать по пятьдесят километров. Белополяки отступали. Порою завязывались упорные бои, и тогда обоз, в котором содержался Мишка, отдыхал. При обозе находились Мишка, Жук и Веселая Борода. Бездельничали, скучали, тосковали по зрителям, — некого было забавлять. Какое там веселье с каптерами да обозниками. Те больше за конями ухаживают и отсыпаются.

Бродил Мишка сам не свой, на Бородатого то и дело рывкал, Жука нет-нет да и обидит ни за что ни про что. На-

ступит на хвост и стоит, выражая полное пренебрежение. Жук лаял и мстил по-своему...

Красноармейцы заметили дурное настроение, в которое впал Мишка, и приняли меры к тому, чтоб развлечь уже самого артиста.

— Чего ему в обозе отираться? Из него же боец выйдет хоть куда! Придется стрельбе обучить...

И принялись обучать.

Сперва дело не клеилось. Если Мишке и удавалось успешно выполнять кое-какие артикулы с винтовкой — брать «на караул», «к ноге», взбрасывать «на ремень», вскидывать «на изготовку», — то стрельба на лад никак не шла. Мишка выражал решительный протест: не желал он не только сам стрелять, но и слышать выстрелов. Пальнули раз при нем из винтовки — Мишка быстрее ветра помчался и зарылся в стог соломы, что стоял возле дороги. Только задние лапы торчали наружу да дрожащий с перепугу куцый хвостик. Насилу извлекли оттуда артиста, всего в соломе, всклокоченного, злого.

— Ай да храбрец! Стыдись, Мишка. Красней перед Бородатым!

И правда, козел давно привык к стрельбе и не обращал на нее ни малейшего внимания: жевал себе свою жвачку да бородой потряхивал. А сонливый Жук, тот даже глаза раскрыть ленился, только поведет ушами, махнет хвостом, чтоб дать знать, что слышит и пренебрегает, — и все.

На Мишку выстрелы действовали иначе. Всякий раз он долго не мог очухаться и искоса поглядывал опасливо на каждую винтовку. По секрету сказать, животом маялся даже. Пришлось доктору-ветеринару черничным киселем его отпаивать.

Так началось обучение Мишки стрелковому делу.

Надо все же отдать должное Мишке: очень скоро он стал неузнаваем и так прирастал к стрельбе, что Жук и Бородатый диву давались. То ли сознательность Мишкина

тому причиной, то ли не хотелось ему отставать от друзей, но дня через три-четыре его уже не пугали винтовочные выстрелы, а там и пулеметные очереди перестали тревожить. Мишка спокойно, глаза не прижмурит, лежал возле пулемета и наблюдал, как посылалась в цель очередь за очередью. Даже патроны подносить научился. Пулеметчики ведут огонь, а Мишка коробки с лентами таскает. Целую грудку схватит в охапку и несет, с ноги на ногу переваливаясь, побряхтывает, сопит.

Вскоре Мишка был зачислен в пулеметную команду и стал принимать участие во всех боях на передовой линии

фронта. Ужасались белополяки, шептали: «Свента матка боска!» — крестились при виде необыкновенного бойца-пулеметчика. Знали, что за горкой стоит красный пулемет, но подавить его никак не могли. Бывало, замолчит пулемет, ни единым выстрелом не отзовется. И только это надумают белополяки атаку возобновить, чтобы занять горку, как видят — бежит по овражку удивительный боец, неуклюжий, кажется, волосатый, сутулый. От горки бежит на четвереньках, а обратно возвращается на двух ногах и несет охапку коробок с патронами. Несет и пригибается к земле: в тактике разбирается. Промелькнет он в овражке, тогда уж в атаку не ходи, — захлещет пулемет, всю застрочит, прорежет вокруг пространство стальными смертельными нитками. Попробуй сунься под эту нитку.

Это Мишка скорехонько бегал за патронными лентами к двуколке, что стояла в овражке, спрятанная в кустах. Принесет он новый запас — заговорит пулемет, да так, что и мысль об атаке из головы вышибет у белополяков.

Снаряжали они специальных солдат, чтобы те улучили удобную минуту и подстрелили необыкновенного пулеметчика. Но где там! Неуклюжий с виду, боец бегал так ловко и проворно, так хорошо прятался на бурой земле и среди кустов, что уследить за ним было почти невозможно.

Так сделался Мишка настоящим фронтовым воином. А вскоре и в герои начал выходить. Заговорила о Мишке-пулеметчике вся дивизия.

Как-то раз поздней ночью переходили красноармейцы через глубокую и широкую реку. Мишка с пулеметчиками переправлялся на другой берег. На плоту были пулемет и запас патронных лент. Мишка сидел и настороженно прислушивался к всплескам весел, к ночной тишине на берегах, к едва различимым голосам бойцов, — рядом плыли другие плоты. На них были красноармейцы.

Тишину нарушали редкие винтовочные выстрелы. Стреляли с того берега. Белополяки открывали огонь вслепую:

постреляют, постреляют куда попало — и опять тишина. И не подозревали, небось, что приближается к ним беда.

Слушал Мишка вражеские выстрелы, вспоминал мать-медведицу, родную берлогу, залитый ярким утренним солнцем малинник. Вспоминал Бородатого, который остался в обозе. Вспоминал и начинал тужить помаленьку. Но вот слышал он приглушенный короткий лай Жука — пес тоже где-то поблизости переправлялся через реку — и повеселел, приободрился, сунул когтистую лапу в воду и освежил морду.

Было уже недалеко до берега. И тут их заметили. Белополяки подняли неистовую стрельбу. Засвистели вокруг пули, поднимая фонтанчики брызг и вспарывая пенистые дорожки на водной глади. Заметил Мишка, что надувные понтоны, которыми обвязан был плот, шипят, пробитые пулями. Шипят, выходит из них воздух, набок кренится плот. Мишкины лапы уже в воде, холодной, глубокой, стремительной. Еще минута — и перевернется плот, пойдет пулемет на дно, захлебнутся в воде пулеметчики. Недолго думая, спрыгнул Мишка в реку, нырнул под воду с головой. Вынырнул, схватил зубами веревки, которыми были привязаны пробитые пулями понтоны, и поплыл к берегу, подтягивая за собою весь плот.

Тяжело плыть по реке. Сбивает волна. Относит в сторону течением. Но старается Мишка изо всех сил, широко загребает четыремя лапами, тянет. Ему бойцы-пулеметчики помогают, подбадривают:

— Тяни, Мишутка, тяни... Выручай, дружок...

Слышит этот шепот Мишка, пуще старается. Вот почувствовал что-то твердое под ногами. Ага, дно! Остановился на минутку, передохнул, отряхнулся. Спрыгнули с плота пулеметчики, подхватили на руки пулемет, патронные ленты и — по пояс в воде — к берегу. Пособили Мишке, усталому, выбраться на сухое место.

Мишка и освоиться не успел с новым берегом, как возле

замшелого камня рванул пулемет огненной лентой, застрочил, заговорил. Поднялся свинцовый вихрь над берегом, горелым запахло в ночном влажном воздухе. Заметались перепуганные белополяки, а наши красноармейцы тем временем продолжали переправу. Плот за плотом, будто волна за волной, приближались и приближались. Стрельба усиливалась. Громкое «ура-а!» огласило тьму. И стал берег нашим.

Так с участием Мишки была добыта еще одна наша победа. Спас он пулемет и пулеметчиков, которые решили успех боя. Из разных полков приходили красноармейцы, чтобы посмотреть на сказочного артиста, поздравить его, воздать славу и сказать красноармейское «спасибо».

Славу с Мишкой делил и Жук, верный товарищ и побратим. Он тоже одним из первых оказался на вражеском берегу.

Но друзья не задирали носа перед Бородатым и друг перед дружкой. Они потихоньку делали свое скромное дело: нужно было — артистическое, нужно — боевое. Смотря по обстановке. Разгорелся бой — Мишка патроны подносит, Жук в разведку направляется. Тихо — показывают красноармейцам проклятую «гидру капитализма». Да и другие номера тоже приходилось показывать часто красноармейцам разных полков.

Жаль было, что Бородатый, который не умел плавать и вынужден был переправляться через реки с обозом в последнюю очередь, отставал и томился в одиночестве. Он стоял обычно на том берегу, болталась на ветру его борода, слышался жалобный голос, выводивший неизменное козлиное:

— Бе-э-э-э...

Заслышав этот голос, Мишка подмигивал Жуку, и тот заливался веселым басистым лаем:

— Гав-гав-ау... Гав-гав-гау-у...

Это, видимо, означало: «Не скучай, дорогой, скоро встретимся!»

Мишка и сам был бы рад как-нибудь приободрить друга, да где ему было тягаться с Жуком.

Бородатый и в самом деле вскоре догонял своих закадычных друзей, бурно выражая при этом свою радость: он и подскакивал, и наставлял рога, и бородой потряхивал, и пытался, по примеру Мишки, на голову встать, но, правда, из этого ничего не получалось — смех один, да и только. Тогда от полноты чувств он хватал большущий клоч сена и почти торжественно преподносил его в подарок Мишке и Жуку. Те вежливо отказывались от щедрого подарка, но все-таки не упускали случая в знак благодарности лизнуть приятеля в бороду или в нос. Лизнут — и давай чихать.

Никак не мог козел отказаться от привычки лакомиться махоркой. К тому же перепадала ему и трофейная махорка, а уж от нее-то несло черт знает чем. Неисправим был Бородатый! Но что ты поделаешь с ним! Товарищ ведь. Поэтому прощался ему этот махорочный грех.

Как Мишка был украден и что из этого вышло

Популярность Мишки росла с каждым днем. Стали бойцы пулеметной команды замечать подозрительное поведение некоторых делегаций, которые являлись к ним вроде подивиться на необыкновенного артиста и вояку. Уж больно щедро иногда кормили эти делегаты Мишку сахаром, приносили увесистые куски мяса, мед где-то раздобывали. Ясно, подкупить Мишку хотели. Злой умысел таили, не иначе, — переманить Мишку из третьего батальона к себе.

Мишка довольно безразлично относился ко всяким проявлениям почета и уважения к своей особе. Не волновали его умиления перед героизмом и артистическими талантами. Больше внимания он уделял подношениям. Все, что

приносилось ему, употреблял в пищу солидно и старательно. Не обижал, конечно, и своих дружков — Бородатого и Жука.

А в подношениях и лакомствах, которые так охотно принимал Мишка, как раз и крылась опасность. Была разоблачена Мишкина слабость к разным лакомствам.

Однажды ночью, перед самым наступлением, всполошилась пулеметная команда. Пропал Мишка! Был Мишка — и нет Мишки!

Не маленький, кажется, не иголка какая-нибудь, а отыскать не отыщут никак. Обшарили все кусты придорожные, все канавы и овражки, обоз ввёрх ногами перевернули, — может, на телеге где спрятался косолапый? — никаких следов обнаружить не удалось.

Спрашивали Бородатого, допытывались у Жука, но какой с них спрос! Ходили оба понурые, злые, печальные. Тосковали по Мишке. Бородатый перестал даже махорку выпрашивать у красноармейцев.

Невеселые думы о пропавшем без вести товарище охватили козла.

— Бе-э-э-э... — плаксиво тянул он время от времени.

Прошел день, еще один. Неделя минула. А Мишки все нет и нет. Ни слуху ни духу о батальонном артисте.

Красноармейцы первого и второго батальонов стали подсмеиваться над третьим. Особенно над пулеметчиками.

— Ага! Не уследили за своим баловнем. Отблагодарил он вас, нечего сказать. Собрался и прочь... Теперь к вам ни Жука, ни Веселую Бороду пускать не будем. Их еще потеряете. Никудышные из вас хозяева!

Попробуй-ка спокойно сносить такие издевательства!

— Неужели батальону нашему изменил, переметнулся? — недоумевали бойцы третьего. — Куда девался? Может быть, в лес потянуло животное, в родную чащу, в кусты да малинник?..

И так и сяк судили-рядили красноармейцы — не нахо-

дили ответа. А дни были горячие: переходы, маршевые броски, бои почти каждую ночь. В этой сутолоке мало-помалу забывать стали про Мишку.

Однажды полк разместился на отдых. Близилась ночь. Разложили костры, обогрелись, поужинали, спать легли. Перед рассветом дозорные неподалеку от расположения третьего батальона наткнулись на любопытную сцену. На полянке сидели Мишка, Бородатый и Жук и справляли то ли шикарный бал, то ли поздний торжественный ужин. Всевозможные яства были сложены под ветвями елки. Тут были таранки, консервы, лопатка кабана, добрых два десятка селедок. Поодаль разбросано несколько пачек махорки.

Мишка верховодил почтенной компанией. Сидел на пенке и старательно разбивал о камень консервные банки. Банки плющились, прогибались, а Мишка только побрякивал. Бац! — брызги в разные стороны. Мишка облизывается и принимается угощать Жука. Бородатый, как существо травоядное, консервов не трогал, жевал селедочный хвост, отплевывался, а потом вскакивал и несся к ручейку, чтобы утолить жажду. Напьется воды и примется за сахар. Махорку оставлял на десерт. А Мишка и Жук уплетали все подряд: не разбирались они в деликатесах.

Наконец наелись приятели и, кряхтя, принялись устраиваться на покой. Бородатый, пережевывая махорку, потряхивал бородой и счастливыми глазами глядел на Мишку. Жук сладко зевнул и почти сразу задремал.

Тут их и накрыли. Красноармейцы сперва не знали, что делать, — радоваться или выругать Мишку покрепче и даже наказать, чтобы впредь неповадно было пускаться в самовольную отлучку. Найденные следы трапезы определенно говорили о грабеже, учиненном, конечно, или самим Мишкой, или под его руководством. Полковые каптеры как увидели это изобилие, так быстрее бежать к своим телегам. Но там было все в порядке. Ничего никто не воровал, не грабил. Успокоились перепуганные каптеры.

Но ведь не с неба же свалилось все к Мишке!

Лишь к полудню прояснилась эта загадочная история. Из соседнего полка, который расположился рядом, в березовой роще, прибежали тамошние каптеры. Бледные, испуганные, кричат:

— Братцы, беда! Ваш Мишка — разбойник... Мешок харчей разворовал. Ограбил среди ночи и смылся...

— А как попал к вам наш Мишка? — учинили им строгий допрос красноармейцы третьего батальона.

И каптеры, чтобы вернуть хоть остатки выкраденных Мишкой харчей, вынуждены были рассказать истинную правду о том, как задумали они переманить Мишку, как увлекли за собой краюхой хлеба, обмазанной липовым медом, как зачислили уже в свой полк.

— Чем только не манили, — не шел. А вот меду дали попробовать — и не устоял. Побежал за нами.

Так оно и было. Побежал за ними Мишка. В сумерках дело было. Набросились на него, связали, к телеге прикрутили крепко-накрепко. Так и передвигался Мишка с места на место, привязанный к телеге. Когда же отвязали его, никак не мог сообразить, где, в какой стороне его родной третий батальон, по какой дороге ему идти.

Военная судьба опять свела оба полка. Расположились они по соседству. Тут Мишка и расслышал далекие голоса друзей: «Гав-гау-гав!» — Жука и «Бе-э-э-э!» — Веселой Бороды. И пошел он без оглядки на эти голоса. Попал снова в свой родной батальон.

Но, завидя друзей-приятелей, Мишка вспомнил о некоторых запасах провианта, которые считал уже своей собственностью. И решил перенести провиант «домой», к своим. Решил и сделал.

Козел был особенно благодарен Мишке за махорку, а Жуку больше всего пришлась по вкусу косточка от кабаньей лопатки.

Вот так было дело.

Красноармейцы третьего батальона совестили каптеров соседнего полка :

— Эх вы! Это вам наука будет. Не станете теперь красть чужих артистов. Животных так только портят, дурные привычки прививают... Сами виноваты, что Мишка в воровство ударился...

Примирились на том, что взяли с каптеров остатки награбленного Мишкой провианта в качестве контрибуции на содержание артистов в течение недели и отпустили их с миром восвояси.

Так возвратился Мишка в свой родной третий батальон, к своим закадычным друзьям-товарищам.

Не гоняйся, Мишка,
за петухом —
в беду попадешь

Красноармейцы были правы, когда упрекали и стыдили каптеров чужого полка. Виноваты были те в неласковом обращении с Мишкой и в дурном воспитании его. Исчезновение Мишки сказалось на характере и поведении артиста. Сказалось, надо заметить, не в хорошую сторону. Наоборот.

Мы и расскажем тут, как наш способный артист, испорченный дурным влиянием, сам чуть-чуть не погиб, попав в мародеры. И, что еще хуже, соблазнил на недостойное дело и легкомысленного своего товарища — Бородатого. Жук, лично мало заинтересованный в Мишкиных затеях, в преступники не попал и остался в стороне от проделок Мишки и Бородатого.

События же разворачивались следующим образом.

Батальонам приказано было выбить белополяков из одного села. Началось наступление. Нескольким ротам уда-

лось занять окраины села. Они окопались и вели прицельный огонь по врагу.

В это самое время и влип Мишка в историю.

Забрел и он на окраину. Залез в огород и вдруг видит петуха. Подумал, вероятно, что это — тетерев, кинулся за ним, чтобы поймать и потом похвастаться необычным трофеем. Гонялся, ломая заборы, перепрыгивая через кусты. В этой ожесточенной погоне принял активное участие и расхрабдившийся вдруг не на шутку Бородатый. Он лучше Мишки понимал, что перед ними не тетерев, а обыкновенный петух, а что козлу петух — тьфу! Поступал же он так из чувства солидарности, хотелось ему помочь своему товарищу изловить своенравную птицу. Во всю прыть скоком-боком бежал козел, стараясь забежать вперед и отрезать петуху всякие пути к отступлению.

Поднялся тут шум и гам, стук и топот, крик и рев, какие поднять могут только разбушевавшиеся медведь, козел и петух. Показалось белополюкам, что неспроста это, подумали они, что, должно быть, заходит им в тыл кавалерия красная, — и бросились бежать, оставили деревню.

Это обстоятельство несколько смягчило ту суровую кару, которая ждала Мишку и Бородатого.

Мишка так и не поймал петуха. Тот ловко вспорхнул у него из-под самого носа и, усевшись на сук высокой старой груши, заголосил пронзительно и ликующе: «Ку-ка-ре-е-е-ку-у-у!» Пришлось облизнуться Мишке и стыдливо глазами хлопать, поглядывая на Бородатого, который пробебежал что-то конфузливо, а что — кто его разберет, этот козлиный язык.

Так бы и окончились проказы Мишкины, если б, гоняясь за петухом, не напал он с налету на пасеку. Облизнулся Мишка, переглянулся с Бородатым, повел мордой — медом пахнет. Самым настоящим. Голову потерял Мишка, про все на свете позабыл. Поднялся на лапы и, ничего не слыша и никого не видя, — шасть к улью. Шлеп по нему лапой раз,

шлеп второй — улей хоть бы хны. Бородатый хотел было и тут прийти на помощь приятелю, но пчелы накинулись на козла, вцепились в бороду, жужжат, зудят, гудят — пришлось Бородатому сломя голову бежать с пасеки, молнией перемахивать через заборы, нырять в кусты. Прибежал он в полк и своим растерзанным видом привел в недоумение и страх мирного Жука.

А на пасеке хозяйничал Мишка. Он и так и этак пробовал открыть небольшие дверцы, чтобы просунуть лапу в улей и добраться до меда. Но дверцы были прилажены крепко-накрепко. Ничего не получалось у Мишки. Мишка злился, лупил что есть силы по улью лапами, грыз дверцы зубами — все попусту.

Пчелы ожесточенно защищали свое жилье. Слепили Мишку, кусали, жалили в нос, в язык, пробирались в мохнатую шерсть. Но запах медовый кружил голову Мишке, и он вовсе не собирался отступить, не полакомившись всласть.

Что же делать?

Мишка встряхнулся, подхватил улей в охапку и кинулся наутек от разгневанно жужжащих пчел. Побежал туда, где расположился третий батальон. Жука и Бородатого словно ветром сдуло, — спрятались они от пчел далеко в кустарник. А пчелы преследовали Мишку по пятам. Пришлось ему принять решительные меры. Облепленный с хвоста до головы пчелами, помчался он к речке, нырнул в холодную воду и долго сидел там, ожидая, пока пройдет жужжащая гроза.

В речке и поймали красноармейцы Мишку, чтобы покарать его за все преступления — и за петуха, и за пчел. Развели костер, чтобы дымком отогнать хоть немного злых пчел от улья, и отнесли на пасеку выкраденное Мишкой. Но это еще не все. Привлекли Мишку к суровому ответу. А заодно и его активного соучастника в преступных затеях — Бородатого.

Долго отчитывали Мишку, совестили, упрекали. Не забыли поставить в вину и то, что Мишка втянул в свои недостойные затеи молодого и малосознательного козла Бородатого. Принято было постановление: за все позорные поступки лишить обоих — Мишку и Бородатого — артистического звания и прогнать из полка...

Мишка сидел и выслушивал все ни живой ни мертвый. Только сопел да почесывал искусанную пчелами морду. Морда распухла. Глаз почти не было видно. Мишка выглядел жалким, растерянным, весь в какой-то соломе и репьях. На нем всюду были видны следы погони за петухом и сражения за улей.

Бородатый был перепуган еще больше. Переминался с копыта на копыто и все потряхивал измятой бородою, пытаясь хоть что-нибудь сказать в свое оправдание. Но защитная речь не получалась, выходило только однообразное, нудное, перепуганное:

— Бе-бе-бе-бе...

Жук внимал всему происходящему с философским спокойствием: он всегда уважал закон и порядок.

Посмотрели красноармейцы на своих актеров — и пожалели. Как-никак совершили свои провинности Мишка с Бородатым исключительно из-за несознательности. Это первое. А во-вторых, было смягчающее вину обстоятельство: гоняясь за петухом, артисты здорово напугали врагов, белополяков, и тем самым помогли прогнать их из деревни.

Было сочтено возможным наказать виновников условно, то есть оставить в полку. Пускай, дескать, исправляются и на деле покажут, что достойны состоять в рядах красноармейского полка.

Тут не выдержал Жук. Подлетел он к виновникам, лизнул одного в распухший нос, другого в махорочную бороду, и вскоре все они вместе пустились в какой-то замысловатый пляс — прыг да скок, скок да прыг...

— Только имейте в виду,— предупреждали их красноармейцы,— чтобы такого больше не повторялось, черти полосатые.

Так окончилась история с Мишкиными преступлениями, которые совершил он столь легкомысленно и беззаботно.

Принялись актеры за исполнение своих прямых обязанностей. Показывали «гидру международного капитала». «Гидра», изображаемая Мишкой, выглядела на этот раз и в самом деле уморительно, смешно и жалко, будто вот-вот ей издыхать. Красноармейцы покатывались от хохота. Как же было не смеяться, если Мишка был перебинтован и раскрашен пятнами йода и все еще поеживался от пчелиных укусов. Ну настоящее огородное пугало, что ставят для устрашения вороватых воробьев! Ничего воинственного в этот момент в Мишке не было.

Но ведь дело не в том, как артист выглядит. Важно — вдохновение. А вдохновения у Мишки нынче было хоть отбавляй. Старается. Еще бы — оставили Мишку в полку. А без красноармейского полка он теперь просто-напросто не мог себя представить.

Но запомнились ему и пчелы и петух. Долго потом обходил Мишка стороной, за версту добрую, любое место, где угадывал пасеку или петухов.

Мишка становится летчиком, а потом — кавалеристом

Как мы уже знаем, Мишка получил военное воспитание как пехотинец. Хорошо знал он маршировку, некоторые ружейные приемы — брал «на караул», вскидывал «на плечо», приставлял «к ноге», умел подносить патронные ленты к пулемету. Но этим, пожалуй, и исчерпывались его познания и умение.

И вот случилось как-то раз такое, что чуть-чуть не стал Мишка летчиком, а потом стал даже неплохим кавалеристом. Произошло это следующим образом. Однажды утром красноармейцы увидели над собой самолет. Присмотрелись — белопольский. Летел он совсем низко. Того и гляди заденет крылом за вершины елей и сосен, даже за соломенные крыши соседней деревушки. Понятно было, что летчик что-то ищет на земле, высматривает.

— Скорее всего — на разведку вылетел, — заключили красноармейцы.

Была дана команда, и все бойцы рассыпались по лесу, чтобы спрятаться от воздушного разведчика. Самолет мог сбросить и гранаты, и бомбы. Такое случалось. Но ни гранат, ни бомб, ни пулеметного огня почему-то не было. Тогда красноармейцы стали постреливать в самолет. Тот сделал разворот и скрылся. Скрылся и не возвращался больше.

«Не иначе, к своим полетел», — подумали красноармейцы и позабыли про самолет.

У Мишки был острый нюх. Повел он мордой туда-сюда, почуял что-то непривычное для своего носа. Побрел на этот странный запах. Запах доносился из глубины леса. Протопал Мишка шагов двести, а то и все триста, выбрался на большую поляну.

То, что увидел он, заставило его насторожиться и понадежнее укрыться в кустах, чтобы проследить за увиденным. На поляне стояла большая машина. Много разных разностей видел Мишка за свою жизнь, полную приключений, но такого чуда ему еще не доводилось встречать. У машины возился человек. Форма на нем была чужая, неизвестная Мишке.

Долго поглядывал Мишка на человека и на машину из кустов. Ничего опасного для себя не заметил и решил познакомиться с этой диковиной. Осторожно пробрался поближе к машине. Все тихо и мирно. Еще больше осмелел Мишка.

Человек переливал какую-то жидкость из ведерка в большую блестящую банку, взбирался на крыло машины, прыгивал, опять взбирался. Чтобы удобнее было, скинул мундир и портупею с револьвером.

Мишка улучил удобный момент и незаметно потянул к себе мундир. Как мы знаем, против мундира Мишка никогда не возражал. Мундир не мешал передвигаться, бегать, проделывать разные трюки. В мундире особенно хорошо в дождь и ненастье. А от прежнего генеральского мундира оставались одни рукава да ворот.

Надумал Мишка обновить свою амуницию. Портупею с револьвером откинул подальше в кусты: не нужны ему ремни и револьверы.

Человек возле самолета был увлечен своим делом, возился с мотором, и, видимо, что-то не ладилось у него, злился, спешил. Не замечал он совсем, что рядом орудовал Мишка.

Мишка набрался храбрости и произвел осмотр хвоста самолета. Всполз по фюзеляжу и нырнул в заднюю кабину. Уселся. Видит — пачка печенья! Надо подкрепиться. Никогда Мишка не упускал случая принять что-нибудь на зуб, как говорили красноармейцы. А от печенья и вовсе отказываться нечего.

Разорвал Мишка пачку и давай крошить печенье. Вдруг слышит крики. Спрятался на дно кабины, сидит, скорчившись, ни жив ни мертв.

— Стой!

— Ни с места!

— Руки вверх!

То были красноармейцы. Пошел кто-то из них по Мишкиным следам и увидел, что самолет приземлился на поляне. Кликнул своих.

Человек прыгнул на землю, вмиг очутился у винта и принялся лихорадочно раскручивать, заводить мотор. Чует Мишка — что-то несусветное творится с машиной. Задрожав

ла, затряслась, загудела, заворчала. Потом рванулась бешено с места и понеслась по поляне. Ого! Поднялась, и уже не слышно под колесами земли.

Мишка, перепуганный не на шутку, высунулся из кабины и чуть не потерял сознание. Машина неслась над лесом. Будто молния летела, не различить внизу деревьев, сплошное зеленое озеро. Где-то бегают там, внизу, маленькие человечки, подбрасывают шапки, что ли, головы позадирали. Кричат, наверно.

Оказалось, самолет за несколько минут прилетел в расположение белопольских частей. Надрывно гудел мотор, свистел ветер в крыльях, а родная земля была далеко внизу. Закрыв глаза Мишка. Стало ему дурно. Нет, не очень приятно быть с непривычки летчиком.

Захотелось Мишке домой сейчас же. Что делать? Разозлился Мишка и давай сбрасывать вниз разные вещи, что обнаружил в кабине. Серdito вытолкнул банку из-под бензина. Потом вторую!

Белополякам показалось, что это бомбы. Как так, растерялись они, — самолет с нашими опознавательными знаками, а бомбы сбрасывает. Наверно, хитрая проделка красных! И открыли стрельбу по самолету. Из пушек, из винтовок... Опешил летчик, повернул машину назад и полетел к тому лесу, где ремонтировал мотор. Управлял самолетом и настороженно озирался вокруг. Никак не мог взять в толк, почему все-таки по нему огонь свои открыли. Да такой дружный и меткий, что еще немного и — смерть!

Оглянулся летчик назад — глаза у него на лоб полезли. Прямо на него смотрел... не кто-нибудь, а самый настоящий медведь да еще в авиационном мундире белопольской армии.

«Сон... ужасный сон!» — подумалось летчику, и он ущипнул себя, но машина сильно накренилась на крыло, и стало совершенно ясно, что нет, это не сон.

Оглянулся летчик еще раз. Медведь как сидел в каби-

не, так и сидит. Правда, теперь он пытался встать на задние лапы. Побелел перепуганный летчик, в страхе думает, как же ему из кабины выбраться и подальше от такого страшного пассажира убежать. Привстал он, но тут же почувствовал на своем плече тяжелую Мишкину лапу. Сел и больше уж не помышлял о том, чтобы подняться.

Бензин тем временем кончался. Вот и захлебнулся уже мотор, с перебоями работает. А внизу — леса и леса. Куда же тут садиться?

Не успел он выбрать места для посадки, как все смешалось в одну кучу — настоящий летчик в обнимку с летчиком по несчастью, потеряв сознание, пролетели несколько саженей, пробили переплетенные сосновые ветви, перевернулись в воздухе, шлепнулись на землю один возле другого и лежат — не могут пошевелить ни руками, ни ногами.

Перевернутый кверху колесами самолет повис на вершинах четырех сосен, над той же поляной, с которой взлетел.

Сбежались тут красноармейцы. Облили обоих летчиков водой. По два ведра на каждого пришлось. Никакого результата. Лежат, бедняги, и не шевелятся. Позвали доктора-ветеринара.

— Хм... Нашатырный спирт нужен,— проговорил тот.

Первым очухался Мишка. Он приподнялся на передние лапы и осоловелым правым глазом — левый все еще был запухшим — огляделся, не понимая, что же с ним произошло. А вокруг смеялись красноармейцы, шутили, поздравляли Мишку:

— Герой! Истинное слово — герой Мишка! А мы уж подумали, будто изменил ты нам, в Польшу надумал удирать... А тут смотрим, летит Мишка назад и самолет исправный к нам направляет!.. Молодчина, Мишка, заставил его посадить машину здесь...

Заметил тут Мишка черного Жука и Веселую Бороду. Прибежали и они посмотреть на героя, который теперь уже

прославился чуть не на всю дивизию. Осторожно целовали друзья летчика Мишку в нос, помня, что не зажали у него пчелиные укусы. Но грустен был Мишка не от этих укусов. Он кивал головой, как бы говоря товарищам:

— Да, не сказал бы, что получил удовольствие. Вот полетал бы ты, Веселая Борода, как я, понял бы, почему фунт лиха, поредела бы у тебя борода, друг мой ситный!

Вскоре пришел в себя и летчик. Он вывихнул при падении ногу и громко стонал, пока возле него хлопотал доктор.

Никак не мог уразуметь летчик одного — почему же в него стреляли свои. Но вдруг вспомнил он о своем пассажире — о Мишке в офицерском мундире, сознание у него помутилось, и опять страх овладел им. Он забылся.

Летчика, конечно, взяли в плен, самолет сняли с деревьев, отправили в нашу авиаэскадрилью, там починили машину, покрасили, новые опознавательные знаки нарисовали и — вошла она в строй боевых красных самолетов.

Так началась и окончилась летная карьера Мишки, ограничившаяся, как видим, одним-единственным полетом, последствиями которого были помятые ребра, шишка на лбу, подвернутая лапа и еще кое-какие повреждения. Короче говоря, ходить Мишке было трудновато.

Решили красноармейцы определить покамест Мишку в кавалерию. Дело в том, что не оказалось телеги, в которой бы удобно было возить больного летчика-артиста. А кавалерийской его карьере мог вполне содействовать большой старый вьючный мул. Его никак не удавалось запрячь в телегу, а верхом на него сесть никто из красноармейцев не отваживался. Вел себя мул не ахти как мирно, ибо был он прямым потомком обыкновенного ишака. Бездельник-мул только даром переводил харч, и поэтому случай с Мишкой помог красноармейцам найти наконец для него седока — хворого, правда, но зато уже прославленного летчика и знаменитого артиста.

Пристроили мулу что-то вроде седла — несколько мешков с сеном. Просторное седло получилось: Мишка мог сидеть, ложиться, даже вставать на задние лапы. В общем, имел возможность располагаться, как ему заблагорассудится, какова будет на то его генеральская воля.

Важно восседал Мишка на высоком муле. Торжественно бросал взгляды вниз, туда, где плелись по дороге Жук и Бородатый. Мул все же был привередливой скотиной. Хлопот с ним — не оберешься. Упрямый, своенравный, с причудами. Станет иногда — и ни с места, ни шагу не ступит, хоть ты по нему из пушки пали. Сколько ни лает Жук, а ему было поручено следить за поведением мула, сколько ни прыгает вокруг да около, угрожая рогами, Бородатый, тот — ноль внимания. Тогда Жук все-таки догадался и изменил тактику. Он забегал с тыла и, ухватив мула за хвост, сильно тянул его назад. Упрямец мул что есть силы сопротивлялся и, наперекор Жуку, шагал вперед — то есть делал то, что нужно. И вся полковая капелла, как прозвали красноармейцы компанию друзей-артистов, продвигалась по заранее намеченному маршруту.

Останавливалась капелла, когда нужно было показать зловключения «гидры международного капитала» или какое-нибудь другое представление. Тут же, восседаая на спине мула, проделывал свои номера Мишка — непревзойденная «гидра».

Но происходили и серьезные недоразумения между Мишкой и мулом. Только Мишка уляжется на спину и ногами задрывает, показывая предсмертную агонию «гидры международного капитала», как мул возьмет да и заревет во всю глотку. Конец представлению. До того ловкач был реветь мул, до того пронзительный у него голосина, что Бородатый — уж на что, казалось бы, терпеливая личность, лишенная музыкальных талантов, — и тот бежал сломя голову подальше от рева, которым оглашал упрямец мул всю округу. Мишка был артист и не мог перенести подобных

издевательств над собой и, прекращая показ «гидры», принимался учить мула благородным манерам. Но разве обучишь благородству этого потомка ослов! Стоило мулу получить пару подзатыльников от Мишки, как с ним началось твориться что-то невообразимое: он становился прямо-таки бешеным и начинал отмачивать такие номера, что видавший виды Мишка снова чувствовал себя летящим на самолете. Мул брыкался, становился на дыбы, стараясь сбросить с себя артиста. Или — того хуже — летел неведь куда таким галопом, что у Мишки захватывало дух.

Обычно капелла в такие минуты выглядела трагично. Мул бешено скакал, высоко подбрасывая задние ноги, а Мишка, вцепившись в седло, сползал вниз и ревел так, что оглушал своего скакуна и тем самым нагонял на него еще больше страха. Мул летел пулей. За ним едва поспевал Жук. Он старался поймать поводок и остановить или хотя

бы замедлить бешеную скачку. В хор диких голосов вторгался его басовитый ухающий лай. Следом трусил, перебирая копытами, Бородатый и тужился погромче вывести дрожащее и хлипкое:

— Бе-э-э-э...

— Опять артисты аллюром три креста помчались, — смеялись красноармейцы над своей капеллой.

Закончился кавалерийский курс Мишкиных походов. Довольно трагично для скакуна. Разгневанный до предела мул, когда Жук однажды вел его к болотной канаве на водопой, никак не захотел возвращаться. Он упрямо лез в болото, надеясь, видимо, совсем убежать от капеллы. Лез до тех пор, пока не завяз в грязи и не стал погружаться глубже и глубже. Заревел бедняга. Но пришлось все же расстаться с ним. Хорошо, что раны Мишки зажили понемногу и он уже мог кое-как совершать пешие переходы. А там и вовсе вернулся в строй. Как будто и не летал он на самолете, и не был кавалеристом, и не случилось у него чреватых опасными последствиями недоразумений с мулом — потомком ослов.

Мишка — герой

Так жил и воевал Мишка. Был артистом, а когда нужно — становился бойцом. Много было в его жизни смешного, потому что сам он был существом чрезвычайно веселым. Любил позабавиться, любил и других посмешить. За это и привязывались к нему люди, как привязываются обычно к неунывающим весельчакам в таких трудных и грозных условиях, как война, как долгие походы.

Было в жизни Мишки и такое, что называется героическим. Но сам он никогда не думал о том, как бы это специально стать героем, совершить какой-нибудь особенный, геройский поступок.

Нам остается рассказать еще об одном Мишкином подвиге, который сделал его самым настоящим, самым доподлинным героем.

Приближалась война к концу. Люди начали поговаривать о скором мире, но бои все еще не прекращались и вспыхивали иногда с невиданным до тех пор упорством.

Стояла поздняя осень. Мишкин батальон отвели в тыл, на отдых. Однако батальон всегда был в полной боевой готовности.

Красноармейцы спали в наскоро поставленных шалашах. От дождя прятались под высокими елями. Раскладывали небольшие костры, сушили мокрые гимнастерки, шинели.

Неуютно в лесу поздней осенью. Неуютно и холодно. Мишка завидит где-нибудь костер — и туда. Погреться. Собирает валежник, тянул корчаги, в огонь подбрасывал. Лапу даже как-то раз обжег. Хотелось побольше огонь развести. Да ладно, зажила лапа.

Пригрелся однажды Мишка возле костра и уснул. А когда проснулся, начало светать помаленьку. Красноармейцы еще спали. Кое-где среди деревьев стояли, опершись на винтовки, часовые. Дождь не унимался. Сеял меленький, будто его сквозь сито просеивали, и сырой мглой застилал низкое небо, просеку, лужайку.

Трясло Мишку мелкой дрожью, до самых косточек пробирал мокрый холод. Костер почти погас. Мишка встал, прошелся — не помогло. Полез Мишка на высокую сосну. Почти каждое утро проделывал он это упражнение, называлось оно Мишкиной утренней гимнастикой.

Долго карабкался Мишка на сосну. Скользили лапы на мокрой от дождя коре, да и прыти особой не было у Мишки в такие пасмурные дни. Но кое-как все же взобрался на самую вершину. Хорошо ему оттуда видать и лесную дорогу, и просеку, и далекое поле, которое едва пробивалось черным пятном сквозь дождливую мглу. Уселся Мишка поудобнее

на суку и огляделся. Сперва ничего необычного не заметил. А потом подался вперед, присмотрелся и увидел что-то такое, чего прежде тут не было. Неподалеку от расположения батальона появились в лесной чаще незнакомые всадники. Вон там и вот там целые группы их. Они украдкой пробирались к батальону, прячась за деревьями, зорко вглядываясь вперед.

«Откуда они здесь взялись?» — подумал Мишка. Он ведь хорошо знал, что в третьем батальоне было всего-навсего две лошади в обозе. И все! А тут все люди на лошадях.

Один за другим раздалось вдруг несколько глухих выстрелов. Потом выстрелы зачастили, началась стрельба, хоть ты уши затыкай. Опытное ухо различило басовитые перека-ты пулеметных очередей, лихорадочную перебранку винтовок. И едва не свалился Мишка с дерева, когда поблизости взорвался громом орудийный выстрел. Сотряслось все в воздухе, дрогнули ветки и полились с них водяные струи на желтый песок, на зеленый можжевельник. Терпеть не мог пушек Мишка. Может быть, это потому, что артиллерийское дело он пока еще не освоил, а может, и потому, что уж слишком грозно стреляли они и долго потом перекачивался по лесной чаще и полям гром, наполняя ужасом Мишкино сердце.

Решил Мишка покинуть свой наблюдательный пункт и спуститься на землю, чтобы рядом с красноармейцами быть, поближе к своим. Но когда он добрался до последнего толстого сука, заметил, что никого из своих поблизости нет. Отошли они куда-то в сторону оврага, там и слышалась ожесточенная перестрелка.

Под сосною выстроилась сотня всадников, перед которыми на красивом сером жеребце в «яблоках» восседал важный человек и что-то торопливо говорил, злобно выкрикивал и показывал туда, где был овраг. Бросились в глаза Мишке синие штаны, ну точь-в-точь как те, которые когда-

то силой напяливали на Мишку и которые он с таким трудом содрал с себя.

«Неужели опять те самые? — подумал обиженный Мишка. — Неужели снова будут на меня натягивать эту дрянь? Да чтобы я стерпел такое унижение!»

Не мог, конечно, Мишка стерпеть. Должен он был рассчитаться с этой амуницией, да так, чтоб и помину от нее не осталось, чтоб и ниточки отыскать после никто не мог. Проклятая одежда, как она осточертела Мишке! И только это человек в синих штанах взмахнул

сабелькой, выкрикнув какую-то команду, как Мишка, недолго думая, оттолкнулся от сосны и без всякого парашюта полетел вниз, прямо на серого жеребца в «яблоках». И так же ловко он прыгнул, что сразу очутился на коне. Уселся сзади всадника да как вцепится в ненавистные штаны! До того ожесточенно принялся он рвать их и трепать, что только пыль столбом пошла.

Ревел Мишка во все свое медвежье горло. Всадники, будто подхваченные ветром, понеслись кто куда, падая на землю, волочась между деревьями за ошалелыми конями. Кони вставали на дыбы, храпели, брызгали пеной и, бросив своих всадников, пушки, пулеметы, не разбирая ни дорог, ни тропинок, мчались прочь от свалившегося с неба зверя.

А со стороны оврага, куда вынужден был отойти третий батальон, уже доносилось громкое красноармейское «ура!». Белопольские уланы смешались, растерялись. На них дружными рядами двигались ошестиненные штыками роты красных бойцов.

Мишка не видел ни этого, ни того, как красноармейцы собирали разбросанные белополяками винтовки, пулеметы, ловили перепуганных коней, брали в плен задравших кверху руки синештаных уланов. Мишка гарцевал на жеребце. Человек с сабелькой давно уж свалился, теряя на ходу ненавистную Мишке амуницию. Жеребец носился по лесу, и, чтобы не упасть, Мишка схватился за гриву и крепко облапил коня.

Когда жеребец на мгновение остановился, выбирая путь, Мишка сполз, вернее соскользнул, на землю. У него не было ни малейшего желания гарцевать на перепуганном до смерти коне.

Подбежали к Мишке красноармейцы.

— Ну и молодчина, Мишка! Ты же — герой, Михаил Иванович, да и все тут! Ай да Топтыгин, ай да богатырь! Этаких дел натворил, а!

Мишка был доволен. Как-никак впервые называли полным лесным титулом — уважаемым Михаилом Ивановичем Топтыгиным, как звались прежде его деды и прадеды. Однако не мог сообразить Мишка, почему это вдруг из-за его ненависти к уланским штанам произошла такая удивительная история и прослыл он героем сражения. Ведь втайне стыдился Мишка, что до сих пор в нем сохранилась такая глубокая неприязнь к синей амунии.

Кавалерийский отряд белопольских улан был разбит наголову.

Таков был последний геройский поступок нашего Мишки. Последний, так как вскоре война окончилась.

Что 'стало с артистами?

Что же стало с нашими героями: с черным Жуком, Мишкой и Веселой Бородой? Где они теперь? Что делают, живут как?

Жук состарился за эти годы, седым стал, оглох на одно ухо. Что ни говори — старость... Но до сих пор он аккуратно сторожит колхозные амбары. А случится, недослышит немного старик, на помощь приходит молодое поколение: сыны и внуки такой лай поднимут, что враг колхозного добра, как трусливая мышь, бежит подальше, чтобы забиться в нору и не показываться никому. Да, не попадайся на зубы сынам и внукам славного Жука. А некоторые из Жуковых наследников, вдоволь наслушавшись рассказов о его похождениях на войне, подались на границу, чтоб нести военную службу, помогать красноармейцам оберегать наши рубежи. Хороши дети у Жука, достойны они бывшего полкового актера.

А про Бородатого что слышно? Ничего не слышно. Давно погиб козел Веселая Борода. Еще во время войны. И по-

гиб из-за своей же неосторожности, сам себе, можно сказать, харакири устроил. А вышло это вот как. Если помните — любил Бородатый прыгать да скакать. Через пенек, через куст, через канаву непременно ему нужно перепрыгнуть и удивить всех своей прытью. Как-то на привале, когда готовилась каша для красноармейцев, Бородатый до того разошелся, что давай через винтовки перепрыгивать, что были составлены «в козлы», штыками кверху. И то ли не рассчитал хорошо прыжок он, то ли поскользнулся копытками на мокрой траве, то ли не разогнался как следует, — но не удалось Бородатому перепрыгнуть через штыки, напоролся на них бедняга-актер да тут и погиб.

Батальонный каптер было подал мысль отправить козла в кухонный котел, потому что ведь недолюбливал он наших артистов, да и мясо в ту пору не очень-то часто приходилось есть красноармейцам. Однако горой встали бойцы второго батальона за своего любимца и дали каптеру решительный отпор:

— Как же можно надругаться над таким замечательным артистом? И опять же, какое тут мясо: борода одна да кости...

И торжественно похоронили Бородатого под высокой сосной, курганчик над ним насыпали из желтого песка. Зеленью украсили могилу и прикрепили небольшую дощечку с такой надписью:

*«Тут покоится прах единственного на свете
любимого нашего Бородатого»*

Немного ниже была сделана приписка:

*«Пусть же мирно спит в желтом песке
Веселая Борода...
И пускай видится ему во сне
луговой травы клочок и пачка махорки зеленой...»*

Не позабыли ребята о пристрастии Бородатого к махорке.

Так погиб Веселая Борода. Грустили по нему славные ребята-красноармейцы, но что поделаешь? Всякие случаи бывают в жизни, а на войне и подавно.

Но что же все-таки стало с нашим главным героем, со славным воякой Мишкой?

Когда окончилась война с белополяками в двадцатом году, сдали красноармейцы своего любимца в зоологический сад. А оттуда попал Мишка, уже дрессированным медведем, к цирковым артистам. Вместе с цирком разъезжает Мишка по советской земле, развлекает своими «представлениями» зрителей, особенно детвору, которая всегда с восторгом встречает этого замечательного мастера арены. Переменился и репертуар Мишки. Уморительно глядеть, когда показывает он разных врагов трудового народа, тех, кто собирается начать новую войну. Они, правда, похожи на «гидру международного капитала», но изображает их Мишка куда смешнее прежнего. Он же умница: совершенствует свое искусство. Благодарные зрители награждают любимого актера шумными аплодисментами, а Мишка улыбается и низко кланяется. Вежливый артист.

А если бы кто-нибудь спросил Мишку:

— Что ты любишь больше всего на свете?

Мишка, умея он говорить, тотчас бы ответил:

— Что люблю? Малину люблю... Мед люблю... Тетеревиные яйца люблю...

— А еще что?

— И еще малину...

Так вот какие славные друзья-актеры были в нашем полку. Про них вели мы рассказ, вспомнили их дела-про-

делки: обычные и необыкновенные, геройские и будничные, из тех, что происходили почти каждый день, пока состояли черный Жук, Бородатый и Мишка на военной службе.

Не забыли и дальнейшей их судьбы, теплым словом помянули.

А на этом и кончим.

Оглавление

О Мишкином детстве и о том, как он малину любил	3
Про Веселую Бороду и про черного Жука	11
Как Мишка попал на военную службу	15
Станный больной, сахар и ма- хорка Бородатого	24
История с генеральским мун- диром	33
Необыкновенный пулеметчик	38
Как Мишка был украден и что из этого вышло	44
Не гоняйся, Мишка, за пету- хом — в беду попадешь	49
Мишка становится летчиком, а потом — кавалеристом . . .	53
Мишка — герой	62
Что стало с артистами?	67

Михаил Тихонович Лыньков
ПРО СМЕЛОГО ВОЯКУ МИШКУ
И ЕГО СЛАВНЫХ ТОВАРИЩЕЙ
Для детей младшего школьного возраста

Редактор З. П. Петрушения. Художественный редактор В. П. Жиженко. Технический редактор С. А. Абрамчук. Корректор Л. С. Мануленко.

Сдано в набор 18/XI 1974 г. Подп. к печати 15/V 1975 г. Тираж 700 000 экз. (1-й завод: 1—300 000 экз.). Формат 84×90¹/₁₆. Бумага офс. № 2. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 4,05. Зак. 1658. Цена 31 коп.

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Советская, 19. Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

Л $\frac{70802-117}{М 302(05)-75}$ 212-75

С(бел.)2
Л 88

© Перевод с белорусского. Издательство «Мастацкая літаратура», 1975 г., иллюстрации.

